

АЛИНА БРЮС

Тремёрды

КНИГА 2

ТЕНИ АЛЬВИОНА

KompasFantasy

Алина Брюс

Дремеры. Тени Альвиона

ИД "КомпасГид"

2023

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Брюс А.

Дремеры. Тени Альвиона / А. Брюс — ИД "КомпасГид",
2023 — (KompasFantasy)

ISBN 978-5-907514-74-4

Вира и Кинн, изгнанные из родного Зённона, не только спасаются от ужасных Теней, но и добираются до Альвиона в надежде найти укрытие. Казалось бы, избавление близко. И тем не менее прошлое не отпускает героев: их изгоняют во второй раз, теперь в кошмарный Квартал Теней. Неужели их судьба предрешена? Смогут ли Кинн и Вира выжить среди Теней и выбраться из Квартала? И поймет ли Вира саму себя, если вокруг всё больше тайн и невозможно быть уверенной, кто друг, кто враг, а кто возлюбленный? «Дремеры. Тени Альвиона» – вторая часть трилогии писательницы Алины Брюс. Лингвист по образованию, Алина решила связать свою жизнь с литературой и создала необыкновенный мир Серры.

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-907514-74-4

© Брюс А., 2023

© ИД "КомпасГид", 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алина Брюс

Дремеры. Кн. 2. Тени Альвиона

© Алина Брюс, текст, 2023

© ООО «Издательский дом «Тинбук», 2023

* * *

Глава 1

Прозрачный щит, отделяющий Квартал Теней от Альвиона, на ощупь напоминал густое желе и неохотно поддавался, пропуская нас с Кинном внутрь. Уши мгновенно заложилось, а грудь сдавило с такой силой, что несколько секунд я не могла вдохнуть. Перед глазами всё поплыло, тело покрылось испариной, но тут же, сделав шаг, вместо досок подъемного моста я почувствовала под ногами каменные плиты дороги. Захрипев, я отпустила Кинна и уперлась руками в колени, чтобы отдышаться. Кинн разразился громким кашлем.

Когда дыхание выровнялось, я отерла лоб – волосы взмокли под кефи, но снимать его я не стала, а оглянулась назад. Изнутри щит казался мутным: сквозь него не было видно ни моста, ни Карателей, ни стражников. Звон колокола и крики толпы оборвались, и, кроме нашего с Кинном хриплого дыхания, не было слышно ни звука – Квартал наполняла вязкая, гнетущая тишина.

Но в этой тишине, дожидаясь заката, притаились Тени.

И даже воздух, наполненный соленым запахом моря, был пронизан горьковато-пыльными, острыми нотками опасности.

По рукам у меня поползли мурашки, и я вслед за Кинном коснулась щита: его поверхность, ни холодная, ни теплая, теперь походила на стекло, но гибкое, и едва заметно прогнулась под пальцами. Когда я попробовала надавить, щит спружинил, оттолкнув мою руку. Кинн попытался пробить барьер с разбега, но его с такой силой отшвырнуло назад, что он пролетел пару метров. Я бросилась на помощь, а Кинн с глухим стоном сел и устремил на щит хмурый взгляд.

Проход назад, в Альвион, был закрыт.

– По крайней мере, ты попытался, – сказала я и услышала в своем голосе легкую дрожь. Вернуться мы не могли, и теперь оставалось надеяться лишь на то, что разбуженный осколок камня-сердца, который так и лежал в мешочке на моей груди, защитит нас от Теней. Но сможет ли он спасти ото всех Теней Альвиона?

Всё во мне сжалось от страха, но я постаралась скрыть испуг за улыбкой и протянула Кинну руку. Он качнул головой и медленно встал. Не сводя задумчивого взгляда со щита, Кинн потер шею с левой стороны, где чернела незаконно поставленная Утешителем Йёнармом татуировка отступника, из-за которой его и бросили в Квартал. Неожиданно он в упор посмотрел на меня своими выразительными серыми глазами и произнес:

– Мы придумаем, как отсюда выбраться, Вира.

Его голос, слегка хриплый, прозвучал так решительно, что мой страх отступил. Кинн прав. Камень-сердце защитил нас вчера – продолжит защищать и дальше, и нам хватит времени, чтобы найти выход. К тому же, в отличие от меня, у Кинна есть дар камневидения.

Тем временем Кинн огляделся. И тут брови его поползли вверх. Я проследила за его взглядом – и у меня тут же захватило дух.

Мы стояли на небольшом перекрестке, от которого разбегались три дороги, мощенные серым ласником: широкий проспект вел прямо, а в обе стороны вдоль щита тянулись две живописные улицы. Ровные ряды трех- и четырехэтажных домов, украшенных искусной лепниной и изящными балконами, были выкрашены в такие яркие цвета, что от них зарябило в глазах. Розовые, как клубничное суфле, зеленые, как листья мяты, желтые, как одуванчики, сливово-синие, вишнево-красные и ярко-оранжевые, они выглядели как театральные декорации.

Архитекторы Зённона придерживались простых форм и спокойных цветов – обычно белого, кремового, иногда желтого или светло-зеленого. Но если основатель нашего города

привил своим потомкам нелюбовь к вычурности и излишеству, то Альвион, напротив, восторгался пышностью и яркими красками.

Площадь, куда нас с Кинном привезли стражники перед тем, как изгнать в Квартал Теней, кажется, тоже окружали разноцветные дома, но в такой толпе ничего нельзя было рассмотреть. И теперь мы несколько минут молча переводили взгляд с одного здания на другое. Когда первое удивление прошло, я заметила повсюду следы заброшенности: дождевые потеки и трещины на фасадах, грязные, давно не мытые окна, а на балконах – цветочные горшки с высохшими стеблями.

Вдруг слева, в окне персикового дома, мне почудилось движение, и сердце испуганно екнуло. С минуту я не отрываясь наблюдала за окнами, но они лишь слепо таращились в ответ.

Кинн отвлек меня:

– Ну что, пойдём. Нет смысла тут оставаться.

Я повела плечами, чтобы стряхнуть с себя тревожное чувство, и неуверенно спросила:

– Прямо?

Он ещё раз осмотрелся.

– Можно и прямо. Не уверен, что есть хоть какая-то разница.

Бросив последний взгляд на окно – должно быть, это просто солнечные блики, – я направилась вслед за Кинном. Мы не стали подниматься на тротуар, а пошли посреди дороги: быть раздавленными экипажем нам точно не грозило. Здания тянулись сплошной разноцветной стеной, в которой изредка темнели арочные проходы.

По пути нам встретились бакалейная и зеленая лавки, а чуть дальше – булочная. От лавок остались только поблекшие вывески – когда-то стеклянные витрины были наглухо (и несколько неумело) заколочены почерневшими досками.

Странно. Кто и зачем это сделал?

Я подняла на Кинна недоумевающий взгляд, но в ответ он лишь пожал плечами.

Между тем улица плавно завернула направо. Тишина, которую разбивал только стук наших ботинок, начала давить на уши, и внезапно я вспомнила испуганное лицо дворецкого Гаэна, когда он рассказывал мне, маленькой, о Тенях. Я спросила Кинна:

– Ты ведь слышал историю о том, что когда-то Тени прорвали альвионский щит и поглотили целый квартал?

Он кивнул.

– Отец рассказал мне. У них с мамой здесь оставались родственники – к счастью, они жили на правом берегу Рассны. Правда, когда он говорил «квартал», я представлял себе квартал по зеннонским меркам, а это место выглядит в разы больше...

Я задумалась.

– Может, у альвионцев «квартал» означает что-то другое?.. По-моему, в древнесеррийском этот корень имеет значение «обиталище».

– Возможно. Тебе виднее. У тебя с языками всегда было лучше, чем у меня.

Смутившись, я проговорила:

– Ненамного, – и торопливо спросила: – А ты знал, во что превратили это место?

Кинн покачал головой.

– Пока родители были в Зенноне, они мне ничего не рассказывали, а я не спрашивал. А потом, когда они ушли, спрашивать стало некого...

Не сговариваясь, мы посмотрели на обступившие нас безжизненные дома и зашагали дальше, окруженные их молчанием.

Через несколько минут Кинн вдруг произнес, широко взмахнув рукой:

– А тебе не кажется это странным?..

– Что?

– Если Тени поглотили здесь всех людей, то где же одежда? Неужели все до единого были дома?

Я растерянно оглядела пустую дорогу, но в этот момент позади послышалось легкое эхо шагов. Я тут же схватила Кинна за рукав, призывая остановиться, и обернулась.

Начало улицы теперь скрывалось за поворотом, и какое-то время мы напряженно ждали, вслушиваясь в тишину.

Ничего, только наше сбившееся дыхание.

Я почувствовала себя очень глупо: ну кто может преследовать нас в Квартале Теней? В эту огромную тюрьму отправляли на смерть отступников – убийц, грабителей, насильников – и дремёр, проклятых, отмеченных Тенями, как я. И с закатом Тени поглощали каждого, кто здесь оказывался. Кроме нас с Кинном, людей тут нет.

Отпустив его руку, я пробормотала:

– Показалось...

Кинн еще немного постоял, глядя через плечо, потом бросил на меня короткий ободряющий взгляд, и мы двинулись дальше. Вскоре нам встретилась развилка: в две стороны вели одинаковые узкие улочки, такие же разноцветные и пустые. Тишина здесь пульсировала, отдаваясь в сердце. Мне невыносимо захотелось оказаться на каком-нибудь открытом месте, подальше от этих ярких безжизненных домов, где в каждом темном углу скрывались Тени. Выдохнув, я уже открыла рот, чтобы спросить, куда теперь, да так и застыла. Ощущение, что за нами следят, стало таким сильным, что ладони взмокли от напряжения.

– Что?..

Кинн не договорил. На его лице отразилось потрясение: сзади донесся тихий, но отчетливый звук шагов. Кто-то шел за нами. И этот кто-то был не один.

Чуть слышно Кинн выдохнул:

– На счет «три» – налево.

От волнения у меня загудело в ушах, и я едва расслышала его голос: «Три!» Мы тут же бросились бежать.

Вслед нам понеслись рассерженные крики, но я даже не пыталась вслушиваться, а только смотрела себе под ноги, сосредоточившись на том, чтобы не запнуться и не упасть. Мы домчались до следующего поворота, когда сзади раздался возглас одного из преследователей:

– Стойте!

А потом еще один голос, злой, раздраженный:

– Вам же хуже будет!

Не сбавляя скорости, мы с Кинном повернули налево и, петляя, побежали дальше. Наконец мы нырнули в очередной переулок, и тут Кинн бросился к небольшому садику у желтого, как нарцисс, дома. За оградой виднелись буйно разросшиеся зеленые кусты, а в самом углу, где дом смыкался с оградой, и вовсе стояли дикие заросли.

– Попробуем спрятаться там.

Пока Кинн пытался на слух определить, как близко наши преследователи, я пролезла, царапаясь о ветки и шурша прошлогодней листвой, в самую чащу. Там я прижалась к прохладной стене дома и подтянула под себя ноги. Когда Кинн протиснулся следом, места оказалось так мало, что ему пришлось сесть вплотную ко мне. И теперь я даже сквозь одежду чувствовала жар, исходящий от его тела.

На улице послышался приглушенный топот, и мы замерли. Совсем рядом раздался мужской голос:

– Надо разделиться, иначе мы их не найдем. Ферн, проверь сквер, а мы с Кьярой двинемся к Рыбному фонтану.

– Да не успели бы они туда добежать! – с раздражением отозвался другой.

Первый вздохнул.

– Если б ты ко мне прислушался и мы сразу к ним вышли, то и не пришлось бы гоняться за ними по всему Кварталу...

– Были бы они нормальными, нам бы вообще не пришлось за ними гоняться!

Их спор прервал женский голос, мелодичный и приятный:

– Мы попусту тратим время. Нужно скорее их найти.

– Кьяра права. Время уходит.

– Ну, раз так говорит Кьяра... – в голосе Ферна послышалась нескрываемая насмешка.

Девушка промолчала, а ее приятель проговорил:

– Если сейчас их не найдем, встретимся у храма, а оттуда продолжим поиски вместе. И, Ферн, найдешь их первым – прошу, постарайся быть...

– Понежнее? – Ферн издал недобрый смешок. – Нейт, ты же меня знаешь, я по-другому и не умею.

Послышался звук удаляющихся шагов, неясное перешептывание, а потом всё стихло.

Несколько минут мы с Кинном выжидали, внимательно прислушиваясь, но, видимо, наши преследователи действительно ушли.

– Кто это, Кинн? Это... это Каратели? – озвучила я свою единственную догадку.

Он посмотрел на меня и вполголоса ответил:

– Нет, не думаю. Они не похожи на Карателей. К тому же на них нет формы.

– Ты успел их разглядеть?

– Краем глаза. Пока бежали.

– Как они здесь оказались? И что им от нас надо?

Кинн задумчиво тронул разбитую в драке с Хэйроном губу и чуть поморщился.

– Понятия не имею. Но мне всё это очень не нравится. Выждем еще минуту и попробуем вернуться назад, к ближайшей развилке.

Глядя на сочную зелень перед глазами, я вновь вспомнила подслушанный разговор. В нем прозвучало что-то странное: «Были бы они нормальными...» Почему эти люди, непонятно откуда взявшиеся в Квартале Теней, посчитали нас ненормальными?..

Стараясь не шуметь, мы вышли обратно из переулка. Но вместо того чтобы вернуться к мосту, Кинн повел меня вглубь Квартала. Улицы то и дело поворачивали, петляли, заводили в тупики, словно пытаясь нас запутать, – скоро я совсем перестала понимать, где мы находимся и куда идем. Порой путь преграждали заваленные входы в переулки, но мы и не пытались туда пробраться – проходили мимо, ускоряя шаг. А в арках, ведущих во внутренние дворы, сгущалась не разбавленная люминариями тьма, отчего сердце неприятно сжималось.

– Люминарии погрузились в спячку... Сколько же этому Кварталу лет? – не выдержала я, когда мы оставили очередную арку позади.

Кинн посмотрел на бледное дымчатое небо.

– Тени прорвали альвионский щит, когда мы были совсем маленькими, но я не знаю, когда именно, не спрашивал. Точно больше десяти лет назад.

Больше десяти лет? По коже у меня побежали мурашки.

Сколько же за это время здесь погибло людей?..

Мы попробовали зайти в несколько домов, но где-то двери насмерть заклинило и они не открывались, а где-то невыносимо пахло мышами. А когда нам повезло найти жилище без стойкого мышиного духа, из темного угла с диким мяуканьем выпрыгнул ободранный кот и чуть не расцарапал Кинну лицо – мы едва успели выскочить наружу.

Оставалось только идти дальше, настороженно прислушиваясь и замирая на каждом перекрестке. Солнце уже скрылось, укутанное вечерней дымкой, а ноги начали заплетаться, но за всё это время мы ни разу не повстречали наших преследователей. Однако меня не оставляло ощущение, что за нами наблюдают, – словно некто невидимый касался шеи холодными пальцами.

Я уже была готова укрыться в любом ближайшем доме, невзирая на мышей, когда мы вышли на просторную прямоугольную площадь. В воздухе здесь густел запах нагретого за день камня. По обе стороны от площади вытянулись два двухэтажных здания с открытыми галереями – каждую из них украшала череда арок с колоннами из винно-красного лассника. Видимо, прежде это были торговые ряды, а сама площадь была рынком. На крыше здания слева высилась небольшая башенка с часами, правда, они сильно спешили: вечер только наступил, а стрелка уже показывала одиннадцать. Посреди пустого пространства возвышалось нечто непонятное: будто два огромных ящика, завешенных старой холщовой тканью. От дальнего конца площади убегала очередная улица.

Мне хватило разок оглядеться, чтобы почувствовать, что это место мне совсем не по душе. В полумраке за колоннами чудились странные силуэты, но еще больше меня тревожило загадочное сооружение в центре.

Надо отсюда уходить.

Но едва я повернулась к Кинну, как слова застряли у меня в горле.

В ближайшей арке слева что-то шелохнулось, подалось вперед, и к нам вышли двое: высокая девушка и худой светловолосый юноша, весь в черном. На девушке почему-то были сапоги и костюм для верховой езды – темно-коричневые бриджи и приталенный алый жакет, украшенный черной тесьмой на плечах и груди.

Кинн едва слышно прошептал:

– Они не из тех, кто нас преследовал.

Я не успела спросить, уверен ли он в этом, как откуда-то сзади раздались негромкие шаги. Мы с Кинном оглянулись: к нам приблизились еще четверо – трое юношей и миниатюрная девушка.

Все они были примерно нашего возраста или чуть старше. Ни у кого не было татуировки отступника, и всё же они вызывали беспокойство. Возможно, дело было в их странной, разномастной одежде, которая, хотя и казалась новой, была изрядно помята. На одном из юношей красовался элегантный сине-сизый фрак, на рослом, крепко сложенном парне с короткими кудрями были серые мешковатые штаны и рубашка в черномалиновую клетку, а на его рыжеволосом веснушчатом приятеле и вовсе была накинута темно-коричневая кожаная куртка. Девушка же в легком лазурном платье повязала над челкой ярко-желтую ленту.

Словно по команде, четверка молча взяла нас в широкий полукруг, отрезая путь к бегству, и в этот момент высокая девушка в алом жакете зашагала к нам, громко стуча каблуками. Светловолосый юноша, помедлив, двинулся следом расслабленной, небрежной походкой. Кинн не глядя нашел мою правую руку и крепко сжал ее.

Девушка остановилась прямо напротив меня: ее длинные темные волосы были распущены, лишь пряди у правого уха сплетались в тонкую косу, и в ухе виднелась серьга – звериный коготь, покрытый черной эмалью.

Она окинула меня таким брезгливым взглядом, что я тут же вспомнила о своей пыльной куртке, на которой не хватало половины пуговиц, и почувствовала себя полной оборванкой. Хорошо еще, что мою грязную голову скрывало кепи. Презрительно хмыкнув, девушка посмотрела на Кинна, и выражение ее лица тут же поменялось – она словно увидела лакомый десерт. Но, заметив татуировку в виде черного пера на его шее, она разочарованно выдохнула:

– Надо же, какая...

И сразу замолчала, прикусив губу, как только светловолосый юноша с предостережением вскинул руку. Хотя девушка была на полголовы его выше и выглядела старше, в ее глазах промелькнул испуг. А юноша засунул руки в карманы и чуть наклонил голову, рассматривая Кинна. Едва выше меня, бледный, со впалыми щеками и светло-голубыми глазами, обрамленными темными ресницами, он производил тревожное впечатление. В отличие от других, в его

одежде не было ничего яркого, а в светлых волосах я с удивлением заметила несколько седых прядей.

Он повернулся ко мне, и я едва не отпрянула – его мрачный, холодный взгляд словно проникал под кожу.

– Ты дремера?

Звук его голоса, несмотря на мягкий альвионский акцент, ледяными иголочками пробежал вдоль моего позвоночника. Я хотела промолчать, но вспомнила слова стражника, сказанные про меня Кинну в темнице: «Если хочешь протянуть чуть дольше, держись от нее в Квартале подальше». А вдруг, узнав, что я привлекаю Теней, они нас отпустят? И я сказала:

– Да.

К моему ужасу, лицо юноши оживилось, и он прошептал, не сводя с меня пристального взгляда:

– Да... Нас ждет славное представление! – В самой глубине его светло-голубых глаз что-то вспыхнуло. – Приготовьте клетки, – приказал он.

Летний вечер вдруг повеял морозом, и я застыла при виде безумной, хищной улыбки, которая заиграла на губах юноши.

Клетки? Он сказал: клетки?

Как во сне, я повернула голову туда, где двое парней уже стаскивали грязную холстину с ближайшего ящика в центре площади. Ткань с громким хлопком упала на серые плиты, подняв облако пыли, – и внутренности у меня словно скрутило жгутом.

На огромной телеге стояла большая клетка, способная вместить несколько человек. Вдруг раздался резкий голос Кинна:

– Что вы собираетесь с нами делать?

Оторвав взгляд от второй клетки, с которой возились парни, я повернулась к светловолосому юноше. Тот продолжал улыбаться, но бледные глаза его потемнели, и меня пробрала дрожь.

– Посадим вас в клетки и, если будете послушны, подарим шанс на спасение.

Несколько секунд я не могла вдохнуть – будто грудь сковал железный обруч. Только почувствовав, как Кинн сжимает мою руку, я снова задышала.

Они собираются посадить нас в клетки?

Нет, нет, нет!

Я в смятении посмотрела по сторонам – вокруг бледнели обезображенные улыбками лица – и крепче сжала руку Кинна.

О каком шансе на спасение говорят эти сумасшедшие? При чем здесь клетки?..

Надо бежать! Но как, если нас окружили?

Покосившись на Кинна, я поняла, что он думает о том же самом. А юноша с ленивой усмешкой в голосе проронил:

– Если вдруг вы забыли, от Теней сбежать невозможно. Для того-то и нужны клетки – чтобы вы не вздумали тратить время зря. Рйсса?

Высокая девушка шагнула вперед и, наклонившись к Кинну так, что ее распущенные волосы коснулись его груди, прошептала что-то ему на ухо. Потом она выпрямилась, бросила на меня полный самодовольства взгляд и, вернувшись на место, улыбнулась:

– Ну что?

Во мне вскипела злость, и я крепко, чуть не до скрипа, стиснула зубы. Что она ему сказала?

Кинн распрямился и шагнул, но не к Риссе, а ко мне, встав вплотную, так что наши плечи соприкоснулись. Я не удержалась и, приподняв подбородок, бросила на девушку холодный взгляд. Но та лишь усмехнулась, и, прежде чем я успела осознать, что происходит, руку Кинна выдернуло из моей.

Обернувшись, я увидела, как рослый парень в нелепой клетчатой рубашке, обхватив Кинна со спины, тащит его к клеткам, а тот отчаянно сопротивляется.

– Нет! Отпустите его!

Я рванулась вслед за Кинном, но кто-то удержал меня за локти. С яростным отчаянием я попыталась высвободиться из цепкой хватки, но не смогла. В это время рыжий открыл одну из клеток и спустил оттуда деревянный трап.

Тогда я изо всех сил наступила на ногу того, кто меня держал, – это оказался юноша во фраке, – и он, зашипев, ослабил хватку. Я вырвалась и побежала к Кинну, которому удалось остановить своего противника ударом локтя. Но тут справа от меня мелькнула лазурь, и я, споткнувшись о чужую ногу, полетела на серые плиты площади. Еле успев выставить вперед руки, я ударилась о лассник, отбив колени и едва не расшибив нос.

Подняв через несколько секунд слезящиеся глаза, я увидела, что к рослому присоединился рыжий и теперь они тащили Кинна к клетке вдвоем. Рядом со мной снова колыхнулся лазурный подол и прозвучал низкий, сипловатый голос, который совершенно не подходил такой хрупкой девушке:

– На вашем месте я бы перестала сопротивляться. Хотя это очень забавно...

Не обращая внимания на отбитые ладони и ноющие колени, я села, немного отодвинувшись от незнакомки.

– Что вам вообще нужно?..

В эту минуту часть небосклона вспыхнула, словно где-то запустили световые иллюзии. Подняв голову, я заметила над домами холодноватое сияние – это загорелся щит Альвиона. Но что-то тут было неправильно. Мне потребовалось время, чтобы понять, что там, где городская стена огибала Квартал, света не было. Щит проходил *внутри* Альвиона, оставляя Квартал на откуп Теням.

– Тик-так!

Я повернулась к девушке – она смотрела на меня сверху вниз, а в ее расширенных глазах плясали искры безумного веселья. Она повторила:

– Тик-так!

Вскочив на ноги, я бросилась к Кинну, который боролся с курчавым парнем, тогда как рыжий с руганью согнулся пополам. На этот раз я услышала позади шаги, и мне удалось увернуться – чужие руки лишь скользнули по плечу. Но не успела я пробежать и пары метров, как преследователь настиг меня и, обхватив рукой за шею, рванул на себя, едва не задушив.

В глаза бросился алый рукав с черной тесьмой, а в ноздри проник приторный аромат. Вцепившись в руку Риссы, я попыталась освободиться, но девушка была гораздо сильнее. Она рассмеялась мне прямо в ухо:

– Я могла бы тебя придушить, но разве так интересно?..

Изловчившись, я дернула Риссу за волосы.

– Ах ты маленькая дрянь! – зашипела она и, крепче сжав мою шею, приподняла меня над землей. – Ты еще получишь свое!

Горло жгло, стало трудно дышать, а перед глазами всё поплыло, и тут над площадью раздался властный голос:

– Отпустите их!

Рука Риссы дрогнула, и удушающая хватка чуть ослабла. Тот же человек повторил:

– Вели отпустить их, Сай.

Девушка резко выпустила меня, так что я едва не упала. Я отшатнулась от нее, кашляя и хрипя, и даже не услышала, что ко мне кто-то подошел. И только почувствовав на плече руку, дернулась и увидела, что это Кинн.

Тяжело дыша и вытирая кровь с разбитой губы, он спросил:

– Как ты?

Подавив приступ кашля, я выдавила из себя:

– Жива.

Он стиснул зубы и исподлобья бросил на застывшую Риссу мрачный, жесткий взгляд. Я же посмотрела на наших неожиданных спасителей. На том конце площади, откуда пришли и мы, стояли два парня, а за ними – девушка в длинной темной накидке.

– Это они, – шепнул Кинн. – Они нас преследовали.

– Они?..

В недоумении я оглядела новоприбывших, медленно подходивших ближе, потом – светловолосого Сая и его компанию. Что здесь происходит? Кто все эти люди, а главное – что они собираются с нами делать?

Когда троица приблизилась, вперед шагнул высокий брюнет и сказал:

– Что ты тут устроил, Сай?

Теперь, когда Рисса не душила меня, я узнала голос того человека, который предлагал разделить, чтобы нас найти. В его левом ухе что-то блеснуло – неужели серьга? Странно... Это такая альвионская мода у мужчин – носить серьги? Губы Сая растянулись в притворной улыбке:

– Нейт, дружище, неужели это ты! – Он сделал вид, что схватился за сердце, и с сарказмом оглянулся на своих приятелей: – Я что-то пропустил? Сегодня какой-то праздник?

Они, как по команде, засмеялись. Сай глянул на парня с растрепанными каштановыми волосами, который с недружелюбным видом стоял за плечом Нейта.

– Ферн, и ты здесь! Глазам своим не верю! Прямо-таки исторический момент...

Тот ответил ледяным взглядом, и смешки тут же стихли, а Сай слегка склонил голову набок, рассматривая девушку, остановившуюся чуть позади.

– Какое пополнение в наших рядах... Дорогая, а тебя предупредили, что дружба с этими двумя до добра не доведет?

Нейт угрожающе шагнул вперед.

– Сай!

Сай картинно пожал плечами и вытянул голову, словно высматривая кого-то еще.

– Только не говорите, что и Глерр с мелкими где-то рядом. Мое сердце этого не вынесет. Все вместе... Прямо как в старые добрые времена!

Ферн с раздражением в голосе бросил:

– Заткнись уже и отпусти их!

Нейт сделал еще один шаг.

– Время идет, Сай, им надо подготовиться.

– Верно, Нейт, у наших новых друзей не так много времени. Особенно у одного из них. Черноволосый парень бросил на нас с Кинном быстрый взгляд.

– Тем более им нужно подготовиться. Во имя Альвиона, Сай, ты же понимаешь!..

Сай пристально на него посмотрел, и его голос утратил всякую показную радость:

– Мне кажется, ты забыл, Нейт, что ты тут больше не распоряжаешься! Ты. Сам. Ушел.

Всю площадь накрыла напряженная, пульсирующая тишина. Лицо Нейта застыло, но заговорил он спокойно:

– Ты знаешь, почему я ушел.

Сай махнул рукой, словно отгоняя приставучую мошку:

– Да-да, нам всем известны твои переживания. Только это уже давно никого не волнует. Сейчас вы на моей территории, здесь я устанавливаю правила. Так что либо наслаждайтесь зрелищем, либо проваливайте.

Воздух ощутимо сгустился, как перед грозой, и я, затаив дыхание, не сводила глаз с противников, поэтому не сразу почувствовала, что Кинн потянул меня за рукав. Он беззвучно указал глазами назад – за клетками маячил второй выход с площади. Сами нападавшие при-

двинулись ближе к Риссе и внимательно следили за подошедшей троицей. Ферн обогнал Нейта и остановился в паре шагов от Сая, возвышаясь над ним на полторы головы.

– Сай, а ты ведь прав, давненько мы не виделись... Может, вспомним прежние времена? Поговорим, например, о твоём замечательном папаше?

В голосе Ферна прозвучала скрытая угроза, и Сай застыл, будто обратившись в азонитовую глыбу. Рисса злобно зашипела:

– О чем это ты?

Ферн поднял на нее насмешливый взгляд:

– Неужели Сай не посвятил тебя в свое интересное прошлое?

Рослый так резко двинулся вперед, что едва не сбил с ног Риссу, и со сжатыми кулаками встал рядом с Саем. В этот момент Кинн взял меня за руку, отчего сердце у меня подскочило, и потянул в узкий проход между клетками. Мы начали потихоньку пятиться от остальных, не сводивших глаз с Ферна и Сая. К счастью, холщовая ткань, устилавшая землю, заглушала звук наших шагов.

Мы уже почти миновали клетки, когда я поймала растерянный взгляд Нейта. И за миг до того, как он крикнул: «Стойте!», мы развернулись и бросились с площади. Вслед нам понеслись разноголосые вопли, от которых я едва не оглохла – или же это зашло в ужасе мое сердце. Каждый шаг отдавался болью в отбитых коленях, но я заставила себя сосредоточиться на беге, позволив Кинну выбирать направление.

Мы неслись, а перед глазами скакала дорога и разноцветные дома тянулись смазанной полосой. Горло у меня начало саднить, словно обожженное, правый бок прорезало болью. Вдруг Кинн резко дернул меня, и на несколько секунд мы провалились в темноту арки, ведущей во внутренний двор. Но едва мы выскочили из прохода, Кинн остановился, и я влетела в него, ударившись носом о его спину.

– Что?..

Потирая нос, я подняла голову. Посередине дворика была разбита клумба с высоким узловатым деревом, одну из стен увивал сочно-зеленый дикий виноград, а у трех массивных дверей стояли керамические горшки с останками высохших стеблей. Даже сейчас это был весьма живописный дворик, но из него был всего один выход – тот, через который мы только что прошли.

С улицы слышались голоса и приглушенный топот.

Кинн бросился к ближайшей двери, а я – к средней, с облупившейся зеленой краской. Дверь, видимо, рассохлась и, подавшись совсем чуть-чуть, застряла. Я решила, что ее не открыть, как тут Кинн взялся за дверную ручку вместо меня. От усилий на его шее вздулись вены, но мало-помалу ему удалось ее приоткрыть. Я протиснулась внутрь, едва не оборвав оставшиеся на куртке пуговицы.

– Давай!

Я надавила изнутри, Кинн потянул – и дверь уступила, впуская его. Закрыв ее, мы в полной темноте замерли, и я прислушалась, но, кроме шума крови в ушах и нашего прерывистого дыхания, ничего не услышала.

Серра, прошу, помоги. Пусть они нас не найдут.

Глава 2

Постепенно дыхание выровнялось, а снаружи за дверью так и стояла непроницаемая тишина. Кинн шагнул куда-то вбок, и в темноте вспыхнул люминарий, осветив коридор, выложенный плиткой песочного цвета. Затем Кинн попытался запереть дверь на ржавый засов, но после нескольких попыток сдался – тот застрял намертво.

– Ладно, будем надеяться, им не придет в голову проверять каждый дом.

Мы прошли по обшарпанному коридору и поднялись в полумраке наверх – Кинн не решался пробуждать остальные люминарии, чтобы их свет нас не выдал.

На каждом этаже было по две квартиры, но все они оказались крепко заперты, и только на третьем нам повезло: одна из дверей стояла приоткрытой. Мы осторожно прошли в темную переднюю, встретившую нас затхлым запахом пыли и плесени, от которого я невольно чихнула.

Кинн с шорохом провел рукой по стене – и переднюю залил яркий свет. Облегченно выдохнув, я улыбнулась Кинну и оглядела помещение: в безжалостном свете были ясно видны отстающие от стен обои и серая от пыли бархатная портьера, за которой, скорее всего, скрывалась гардеробная. Меня передернуло: даже в поместье, где я жила с Псами, заброшенность ощущалась не так явно.

Скрипя досками паркета, мы зашли в полумрак большой комнаты, очевидно гостиной. Кинн сразу направился к окну и осторожно выглянул наружу из-за полуприкрытых штор.

– Ты... слышишь Теней? – его голос дрогнул.

– Нет, пока нет. А что?

Он молча махнул рукой, подзывая меня ближе. Когда я посмотрела сквозь грязное стекло вниз, то оцепенела, чувствуя, как воздух в легких превращается в лед.

Отовсюду – из-под арки, из дверных щелей – во дворик стекались Тени.

Совершенно беззвучно.

Впервые за полтора месяца я не слышала их криков, но тишина показалась мне еще ужаснее. Внутри у меня что-то дрогнуло, когда мы обернулись к двери, ожидая, что там вот-вот покажутся Тени...

Но время шло, а ничего не происходило. Вдруг Кинн громко прошептал:

– Камень-сердце...

Непроизвольно моя рука взметнулась к груди, где был спрятан мешочек с осколком. Кинн оглянулся на окно:

– Ну конечно, он не создает световой щит, а образует невидимую защиту! И, наверное, это из-за него ты не слышишь сейчас Теней – так же, как в Зенноне не слышала из-за камня-сердца, разбуженного твоим отцом...

С моих плеч словно свалилась тяжесть. Мне хотелось что-то сказать или пошутить, но слова не шли, и вместо этого я расплакалась, чувствуя себя бесконечно слабой.

Только этим утром я очнулась у Черного леса, думая, что умерла, а потом – Альвион, Квартал Теней, странные преследователи, клетки...

Слишком много всего за день.

Вдруг меня окутало тепло, и я с замиранием сердца поняла, что Кинн меня обнимает. Не так, как это делал Хейрон – властно и настойчиво, – а осторожно, нежно, словно я была хрупким цветком.

Я замерла, боясь пошевелиться, просто вдыхала запах Кинна, ощущала теплоту его рук и радовалась, что могу скрыть вспыхнувшее лицо за козырьком кепи. Он прошептал мне на ухо:

– Ты не одна, Вира. Я рядом. Вместе мы справимся.

Я лишь кивнула в ответ. Мне страстно хотелось ответить на его объятья и прижаться к груди, но в глубине души зашевелился страх: а что, если Кинн поступает так только из жалости?

Собрав всю волю в кулак, я медленно высвободилась, хотя и надеялась, что Кинн не захочет меня отпускать, но он тут же отстранился. Я вытерла слезы, чувствуя внезапный холод, и сказала, не поднимая глаз:

– Мне нужно умыться. Как думаешь, на каком расстоянии действует камень-сердце?

Кинн кашлянул и ответил:

– Кхм, думаю, мы можем спокойно передвигаться по всей квартире. У Черного леса между нами было не меньше двадцати метров, когда...

Он не договорил, отвернулся и бросил куда-то в сторону:

– Пойду пробужу люминии в ванной, а потом загляну на кухню, вдруг там есть что-нибудь съедобное...

И вышел из комнаты, оставив меня наедине с сумбуром в мыслях.

В тесной ванной, сняв кепи, я вгляделась в свое отражение в треснувшем зеркале. Лицо измученное, глаза запали, веснушки на носу и скулах, короткие сальные волосы примяты. Сухие губы сами собой сложились в презрительную линию.

Видела бы меня Нелла... Никогда еще я не выглядела так ужасно.

Почему-то мне вспомнилась Рисса – брезгливый взгляд, которым она меня окинула, и то, как склонилась к Кинну... Что она ему сказала?

Ногти непроизвольно впились в ладони, а сердце мучительно сжалось. Я бы всё отдала, чтобы Кинн снова меня обнял, но... Что, если я признаюсь ему в своих чувствах, а он отведет глаза? Смущенно скажет, что это не взаимно? Он же сам говорил, что винит себя за мое изгнание. Разве может любовь жить там, где живет чувство вины?..

На кухне, одновременно служившей и столовой, к запаху пыли и плесени примешивался застоявшийся запах гнили. Когда я вошла, Кинн с шумным вздохом закрыл буфет, подтверждая сразу возникшую у меня мысль: еды здесь нет.

– Я нашел немного риса, а в топке плиты есть дрова, но нигде нет ни одного огня... – Кинн обернулся и замолк, увидев мои влажные волосы – я всё же осмелилась помыть голову холодной водой. Он продолжил: – Наверно, рис можно размочить, но не уверен, что выйдет толк.

Между нами едва заметной паутинкой повисла неловкость, и я постаралась поскорее ее смахнуть:

– Знаешь, я не голодна. Разве что попила бы воды.

Кинн провел рукой по своим волосам и сказал:

– Я... тоже не голоден. Лучше пойду умоюсь.

Когда он вышел из кухни, я вздохнула, налила воды в первую попавшуюся чашку и, подойдя к окну, выглянула из-за пожелтевшего тюля. Сумерки с каждой минутой сильнее окутывали темные дома, которые освещались лишь тонким полумесяцем. А внизу, во дворе, дрожало черное, поглощающее лунный свет озеро Теней.

Что-то мелькнуло у самого окна, и я отпрянула, расплескав воду. Сердце заколотилось как безумное, и я нервно сжала полупустую чашку. Что это было? Какая-то птица?

Но, сколько я ни вглядывалась, всё было тихо.

Показалось?..

На ночь мы устроились в гостиной, разместившись каждый на своем диване. Какое-то время я лежала на спине, уставившись в полумраке на потолок, оклеенный обоями с крупными цветами. Хотя от усталости уже кружилась голова и ломило тело, мысли не давали мне покоя.

Кем были наши преследователи? А те, что встретили нас на площади? Как они здесь оказались? И что вообще происходит в Квартале Теней?

Веки мои отяжелели, и, прикрыв глаза, я прислушалась к спокойному дыханию Кинна.

– Как думаешь?.. – начала я, но язык перестал мне подчиняться, и в путаном мороке дремы мелькнула последняя четкая картинка: мимо окна летит угольно-черный ворон с белым как снег крылом.

На площади толпились люди – лиц в сумраке было не разглядеть. Они приглушенно о чем-то шептались, окружив нас с Кинном, но я поняла: они задумали что-то плохое.

Одна из фигур, ярко-алым пятном выделяющаяся на фоне остальных, вдруг выступила вперед. Я отпрянула, дернув за собой Кинна, и едва не упала навзничь, когда его рука выскользнула из моей.

– Кинн? Что ты?..

Не глядя на меня, он шагнул Риссе навстречу. Внутри у меня всё оборвалось.

– Нет! Кинн!

Изо всех сил я вцепилась в рукав его куртки и отчаянно зашептала, боясь, что голос вот-вот сорвется:

– Не слушай ее, не слушай ее, Кинн...

Он раздраженно стряхнул мою руку.

– От тебя никакого толка!

– Нет, Кинн, пожалуйста...

Я попыталась обхватить его, но он увернулся и скрылся в толпе. Я бросилась вдогонку, расталкивая людей, однако сразу потеряла его из виду.

– Кинн!

Выбежав с площади, я помчалась, всё быстрее и быстрее. Безликие дома таранились на меня с холодным равнодушием, а разноцветные улицы змеями расплзались в разные стороны. Наконец, свернув в арку, я увидела у старого узловатого дерева человека. Он был одет во всё черное и стоял ко мне спиной.

Я замедлила шаг, но вдруг оказалась рядом с деревом.

Человек в черном был высоким, со светлыми волосами.

Внезапно я поняла, кто это.

– Хейрон?..

Он медленно обернулся. На его лице застыла широкая, словно приклеенная улыбка, а глаза... Неужели его глаза всегда были такими черными?

– Вира...

– Хейрон, что ты тут делаешь? Разве ты не должен был... – я сбилась с мысли: неожиданно появилось ощущение, будто он куда-то спешил. Тогда почему он здесь, со мной?

Не переставая жутко, неестественно улыбаться, Хейрон ответил:

– Я пришел за тобой, Вира.

– За мной?..

– Я же говорил тебе, что ты моя.

В тот же миг он навис надо мной, а в следующий – уже навалился сверху и рванул на себя мою рубашку, так что пуговицы, не выдержав, оборвались.

– Нет, Хейрон, что ты...

Он придавил меня к земле и давил с каждой секундой всё сильнее – так, что я начала задыхаться.

– Хейрон, НЕТ!..

– Вира, очнись!

Загнанно дыша, вся в испарине, я несколько секунд смотрела на встревоженное лицо Кинна, пока не поняла, что видела сон.

– Ты в порядке?

– Д-да... Кошмар приснился.

– Я могу как-то помочь?

– Нет, нет, всё нормально. – Я попыталась улыбнуться, хотя внутри дрожала от пережитого страха. – Отдыхай.

Кинн внимательно посмотрел на меня, но настаивать не стал. Когда он снова лег, я повернулась спиной к комнате, чтобы отгородиться от увиденного сна. Но отголоски кошмара, как противный резкий свист, снова и снова врываются в сознание, отчего сердце болезненно сжималось.

Кинн бросает меня.

Хейрон с жуткими черными глазами пытается меня изнасиловать. Как вчера, у Черного леса, прежде чем его поглотили Тени.

Внезапно мне до слез захотелось оказаться дома, в своей кровати, чтобы рядом на тумбочке стояла кошка-светильник, которая всегда успокаивала меня своим теплым светом. Я обхватила пальцами левое запястье и поджала колени.

Меня больше не мучают крики Теней, но, похоже, им на смену пришли кошмары.

Мы покинули наше убежище вскоре после рассвета: выпили воды, взяли мешочек риса и ушли, закрыв за собой дверь.

Когда мы спустились во внутренний дворик – ни следа вчерашнего наплыва Теней, – я невольно вдохнула глубже: летнее утро пахло свежестью, бодрившей еще сильнее после затхлого воздуха квартиры. Вчера мы птиц не слышали или просто не заметили, а сегодня они звонко чирикали, и их беспечная, такая знакомая трескотня изгнала все тревожные ночные мысли. Мы подошли к арке, ведущей из дворика на улицу, но тут Кинн замер и выставил передо мной руку.

В арке нас кто-то поджидал.

Я приготовилась бежать, но нас остановил спокойный голос:

– Подождите! Мы просто хотим поговорить.

Из тени на свет выступили трое, и я застыла от изумления. Это были наши вчерашние преследователи: Нейт, Ферн и Кьяра, если я правильно запомнила. Как они пережили эту ночь? И как нас нашли?

Кинн опустил руку и придвинулся ко мне. А троица подошла поближе, и каждый из них почему-то задержал взгляд на моих коротких волосах – я тут же пожалела, что не надела кепи.

– Меня зовут Нейт, – сказал наконец черноволосый юноша, стоявший посередине. В отличие от разодетых приятелей Сая, на нем были простые темно-серые штаны и синяя рубашка, расстегнутая у ворота. Вчера мне не показалось: в левом ухе у него действительно блестела серьга в виде золотой полусферы. В таких женщины обычно прятали камни, которые хотели скрыть от окружающих. Так, по словам Неллы, жена одного из Советников поместила в серьги инриты – камни, помогающие бороться с несварением. Почему же этот юноша носит что-то подобное?..

Поймав взгляд его темно-карих глаз, я оторопела: он смотрел на меня с отчаянной, разрывающей сердце тоской. Я моргнула – и выражение его лица вновь стало спокойным, закрытым. Неужели привиделось?.. Между тем Нейт представил своих друзей:

– Это Кьяра, а это Ферн.

Взволнованная его странным взглядом, я несколько секунд смотрела на девушку, не видя ее, а потом заметила, что на ней была не просто накидка, а темно-зеленая мантия Прислуж-

ницы. Только капюшон, которым предписано покрывать голову, девушка не надела. Но почему она здесь? Неужели изгоняют даже Служительниц, пусть и будущих?

Чем дольше я смотрела на Кьяру, тем больше мне казалось, что я ее уже где-то видела, хотя, если бы мы встречались раньше, я бы ни за что этого не забыла. Ее черные блестящие волосы были собраны в высокий узел, открывая лицо с правильными тонкими чертами, выразительными бровями и серо-голубыми глазами, отливающими зеленью – возможно, так казалось из-за мантии.

Я поняла, что рассматриваю Кьяру неприлично долго, когда почувствовала на себе чужой взгляд. Второй юноша, Ферн, беззастенчиво разглядывал меня. Он был одного роста с Нейтом, такой же худощавый, но чуть шире в плечах. Растрепанные каштановые пряди и закатанные до локтей рукава светло-голубой рубашки придавали ему небрежный вид, но в зеленых глазах горел явный, неприкрытый вызов.

К счастью, в эту минуту Нейт прервал затянувшееся молчание:

– Думаю, нам всем есть о чем спросить друг друга. Но будет лучше, если мы найдем какое-нибудь менее открытое место. Уверен, вы не хотите, чтобы ваш секрет стал известен кому-то еще, кроме нас.

Его голос звучал ровно, но я поперхнулась воздухом. Наш секрет? Они знают про камень-сердце?..

Кинн шагнул вперед, загоразивая меня.

– Мы никуда не пойдём, пока не узнаем, кто вы. И о каком секрете ты говоришь?

Кьяра едва заметно приподняла брови, Нейт слегка улыбнулся, а Ферн смерил Кинна неприязненным взглядом и произнес:

– А может, сначала ты расскажешь, за что у тебя татуировка?

Кинн не спеша повернулся к нему, и я почувствовала, как в воздухе заискрило напряжение.

– Я не отступник. Эту татуировку мне поставили незаконно.

– И мы должны в это поверить?

Тут я не выдержала и вмешалась:

– Я могу это подтвердить! Ки... он не сделал ничего, чтобы ее заслужить.

Однако на Ферна мои слова не произвели никакого впечатления.

– Ты с этим парнем заодно, так что прости – не верю.

Кинн холодно заметил:

– А это уже твои проблемы.

Ферн усмехнулся.

– Хм, у малыша есть зубы... Но умеешь ли ты ими пользоваться? Судя по разукрашенному лицу – не особо.

Плечи у Кинна напряглись, и он весь подобрался, как для драки, но в этот момент заговорил Нейт:

– Ферн, прошу, прекрати. – Затем он повернулся к Кинну: – Конечно, сперва я хотел бы услышать твою историю, но пока поверю на слово. Ты спросил, кто мы... Мы – дремеры, проклятые. Потому-то мы здесь, в Квартале.

Я застыла. Дремеры. Те, кто лишен дара камневидения, кто привлекает Теней и слышит их крики. *Такие же, как я.* Мое сердце забилось быстрее, а Нейт продолжил:

– А что до секрета... У вас есть нечто способное защитить от Теней. Не отпирайтесь, мы это видели.

Видели? Как они могли нас видеть, если после заката Квартал наводнили Тени?

– А что защитило от Теней вас? – спросила я.

Нейт взглянул на меня и тихо ответил:

– Мы сами.

Мои глаза расширились от удивления. Сами? Как? У Черного леса мне удалось развеять одну Тень – неужели они тоже способны на это? Но сколько же Теней обитают здесь, в Квартале? Тысячи? Десятки тысяч? Разве можно бороться одновременно со всеми?

Нейт повторил:

– Даю вам свое слово: мы ответим на все ваши вопросы и не причиним зла. Идемте к нам домой, поговорим там. Захотите потом уйти – держать не будем, а захотите остаться – у нас есть свободные комнаты. Решать вам.

– К вам домой? Вы что, живете в Квартале? – недоверчиво спросил Кинн.

Нейт кивнул без тени улыбки.

– Ну так что? Идем?

Если бы здесь были только Нейт с Кьярой, я бы не раздумывая пошла за ними – казалось, им можно доверять. Но Ферн... Всё это время он не сводил с нас пристального, холодного взгляда, в котором было что угодно, кроме дружелюбия. С другой стороны, уходить, не получив хотя бы часть ответов, было неразумно.

Кинн оглянулся на меня через плечо и, прочитав в моих глазах согласие, кивнул Нейту:

– Хорошо, мы пойдем с вами. Но с условием, что вы первыми ответите на наши вопросы.

Ферн явно намеревался возразить, поэтому я громко спросила:

– Простите, а у вас дома найдется что-нибудь поесть?

На мгновение лица у всех троих застыли: Ферн с Нейтом выглядели так, словно вопрос застал их врасплох, а Кьяра нахмурилась. Сбитая с толку их реакцией, я переспросила:

– Раз вы здесь живете, у вас должна быть какая-то еда?..

Ферн криво усмехнулся, но не успел и рта раскрыть, как Нейт поспешно проговорил:

– Да, конечно. Что-нибудь найдется. Пойдемте.

Нейт с Кьярой развернулись и покинули дворик первыми. Прежде чем двинуться следом, Ферн посмотрел на меня с непонятным выражением, но тут же отвернулся и скрылся в темноте арки.

Пока мы молча следовали за Нейтом и Кьярой по лабиринту улочек и проулков, Ферн куда-то исчез. Я понадеялась, что он нас оставил, но, когда мы дошли до моста, где был вход в Квартал Теней, он вновь появился, бросив Нейту:

– Всё тихо.

Тот кивнул и, поймав мой вопросительный взгляд, сказал:

– Не хотелось бы, чтобы Сай нам помешал. Сейчас с ним лучше не связываться.

«А когда лучше?» – едва не спросила я, но в последний момент сдержалась. Риторический вопрос. Про себя я отметила, что Нейт не сомневался в том, что Сай жив.

Трехэтажный дом наших новых знакомых стоял неподалеку от моста. Это было то самое здание персикового цвета, в котором я вчера заметила движение. Внутри дом выглядел куда богаче, чем тот, где мы ночевали. Пол парадной, освещенной несколькими люминариями в изящных держателях, был выложен черно-белой плиткой, а на каждом этаже размещалась всего одна квартира.

Мы поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Нейт открыл дверь и улыбнулся нам с Кинном:

– Добро пожаловать!

Я ожидала почувствовать вездесущий запах пыли и затхлости, которым пропитался, похоже, весь Квартал, но из квартиры повеяло приятными ароматами: запахом мыла, легких духов и свежести – где-то были открыты окна, и по помещению ходил летний ветерок.

В широкой светлой передней слева во всю стену сверкали зеркала и стояли пуфы, справа за дубовой дверью скрывалась гардеробная. Прямо перед нами за приоткрытыми бархатными портьерами виднелась небольшая гостиная с интерьером в ярко-лиловых тонах.

Нейт обернулся и неуверенно посмотрел на нас:

– Наверно, для начала вас стоит накормить...

– А как же вы? – не удержалась я.

Он покачал головой:

– Мы не голодны.

Кьяра, последовав за Нейтом в гостиную, с сомнением хмыкнула. Ферн вполголоса добавил:

– Во всяком случае, *некоторые* не голодны.

Из ярко-лиловой гостиной через просторную столовую и буфетную нас провели на кухню. Ферн сразу встал у окна и скрестил руки на груди, всем видом показывая, что не желает иметь с происходящим ничего общего. Нейт с непонятной робостью оглядел кухню и посмотрел на Кьяру. Та, вздохнув, решительно достала из шкафчика сверток, осторожно размотала его и выложила еду на широкий и длинный стол.

Половина буханки хлеба, небольшой кусок твердого сыра и горсть сушеных яблок.

Повисло долгое молчание. Меня одновременно интересовали два вопроса: «И это всё?» и «Откуда вообще в Квартале Теней еда?».

Кинн кашлянул и произнес:

– Мы нашли немного риса. Если у вас тут есть дрова и игний, можем сварить...

Все трое повернулись к нему, как по команде. В их глазах читалось такое неприкрытое изумление, что он смутился.

– Я сказал что-то не то?

– Ты... ты не дремер?

Кинн покачал головой, и они молча переглянулись. Нейт, помедлив, выдвинул ящичек дровяной плиты, что-то взял оттуда и осторожно, будто сокровище, протянул игний.

Пока Нейт носил из кладовой дрова, а Кинн укладывал их в топке, Кьяра достала кастрюлю, налила воды и посолила, с трудом раскрошив слежавшуюся соль. Потом отошла, чтобы остальные тоже увидели, как Кинн, поправив дрова, быстрым движением прикоснулся к ним в нескольких местах игнием.

Сухая древесина тут же радостно вспыхнула, и по кухне прокатился вздох удивления. Поймав мой взгляд, Нейт смущенно улыбнулся.

– Не каждый день видим, как кто-то использует дар.

В горле у меня образовался комок. Если раньше могли быть какие-то сомнения, сейчас они отпали. Эти люди действительно такие же, как я. Им тоже известно, каково это – быть лишенным дара. Мне показалось, что на несколько мгновений между нами возникло чувство единения, но вдруг одно из поленьев громко треснуло, и ощущение пропало. Мы снова стали кучкой незнакомцев, сгрудившихся на чужой кухне.

Нейт обратился к нам:

– Мы до сих пор не знаем, как вас зовут.

Кинн представился, а я, почувствовав на себе всеобщие взгляды, замешкалась. Стоит ли открывать свое настоящее имя? Не навредит ли правда? И всё же я с облегчением выдохнула, когда поняла, что никому из них мое имя ничего не говорит.

– Вы не из Альвиона? – спросила вдруг Кьяра. – Вы... говорите немного по-другому.

Кинн кивнул:

– Мы из Зеннона.

После секундной тишины на нас посыпались вопросы:

– Как вы здесь оказались?

– Разве Зеннон не закрыт?

– Что вы здесь забыли?

Я беспомощно посмотрела на Кинна. Мы не успели обсудить, что можно раскрыть, а о чем лучше умолчать. Наконец он сказал:

– Это очень длинная и запутанная история.

Нейт бросил быстрый взгляд на Ферна, и уголки его губ приподнялись.

– Вы еще узнаете, что в Квартале не так-то много развлечений. Поэтому открою вам страшную тайну: длинные и запутанные истории – это то, что надо.

– Сначала ваша очередь. Ты обещал.

Ферн закатил глаза и раздраженно покачал головой, а Нейт кивнул:

– Конечно. Спрашивайте. Но, может, поедите пока?

Кьяра по-хозяйски разрежала хлеб и сыр, разделила горсть сушеных яблок на три части и, разложив всё по тарелкам, налила в чашки воды.

Нейт сел вместе с нами за стол, Ферн остался стоять у окна. Мне ужасно хотелось есть, но я пересилила себя и, убедившись, что Кинн не против, задала первый вопрос:

– Как давно вы здесь?

Судя по тому, что мы вчера слышали, с Саем они знакомы уже какое-то время, да и квартира выглядит обжитой – значит, они в Квартале явно дольше пары дней. Юноши переглянулись, и Нейт, задумчиво побарабанив пальцами по столу, сказал:

– Девять лет.

– Девять... что? – мне показалось, что я ослышалась. Рядом со мной Кинн подавился хлебом, закашлялся и поспешно отпил воды.

Юноша спокойно повторил:

– Нас отправили в Квартал девять лет назад. Ферн попал сюда ненамного раньше, чем я. Мы были самыми первыми.

Кьяра, не поднимая глаз от тарелки, тихо проговорила:

– А я здесь всего месяц.

Месяц в Квартале с бесчисленными Тенями, Саем и компанией, со скудной пищей – это уже невероятно, но девять лет?.. Я перевела взгляд с Нейта на Ферна и обратно, надеясь, что они просто пошутили, но лица у обоих были совершенно серьезны. Я не знала, что и думать.

– Как так получилось?

Нейт на мгновение застыл, сжав губы, а потом спросил:

– Что вы знаете о Квартале Теней?

– В Зенноне мы слышали, что когда-то давно Тени прорвали альвионский щит и поглотили целый квартал. Ходили слухи, что на его месте альвионцы придумали какую-то тюрьму, но, честно говоря, верилось в это с трудом. И уже здесь, в Альвионе, когда Кинна схватили из-за татуировки, одна женщина рассказала мне, что Гильдия камневидцев создала Квартал Теней, чтобы обезопасить город. Сначала сюда отправляли отступников, а потом – и дремер.

– А эта тетка не уточнила, как удалось создать Квартал?

В голосе Ферна прозвучала такая неприкрытая ненависть, что я не рискнула поднять глаза, а лишь отрицательно покачала головой.

Кьяра отложила нетронутую дольку яблока и проговорила:

– Вероятно, та женщина ничего не знает. В конце концов, Совет сделал всё возможное, чтобы стереть из людской памяти правду. Чтобы в итоге осталось одно восхваление: «Они защитили нас от зла». А то, чего это стоило...

Ферн взвился:

– Думаешь, кто-то *хочет* об этом помнить? Кто-то из тех, кто живет в сытости и безопасности? Нет! Они не хотят вспоминать о людях, принесенных в жертву! А мы?.. Нам даже жратву посылают так, чтобы никто не знал! Не знал, что мы до сих пор не сдохли... Конечно, к чему тревожить драгоценный сон честных альвионцев?

Хотя на кухне от плиты было жарко, после слов Ферна меня пробрал холод.

– Что еще за «люди, принесенные в жертву»?

Кьяра отвела взгляд, а Нейт стиснул зубы, и на мгновение его глаза показались совсем черными. Он неохотно проговорил:

– Мне было семь, когда... возник Квартал. К тому времени я уже научился скрывать, что слышу крики Теней. В самые тяжкие ночи отец говорил моей тетке, у которой мы жили после смерти матери, что меня мучают головные боли. Но тогда я поднял на уши весь дом, тетка была в ярости... Однако я ничего не мог с собой поделать. Не мог вынести исступленных воплей у себя в голове, этого дикого, беспредельного, злобного восторга... Тени словно упивались людским ужасом... Даже когда грабители убили отца, мне не было так плохо, как в ту ночь.

Я вдруг осознала, что меня трясет, а всё тело покрылось мурашками. Ферн глухо добавил:

– Мы все их слышали. Слышали, как они пожирают людей, виноватых лишь в том, что им не повезло здесь жить.

Кьяра, опустив голову, срывающимся голосом объяснила:

– Световой щит в этом месте стал нестабильным и грозил прорваться – по утверждению Гильдии камневидцев, с ним ничего нельзя было поделать. И тогда Совет принял экстренное решение отделить город от этого квартала. Гильдия возвела здесь новый щит, над которым давно работали, он способен удерживать Теней внутри. Потом мосты уничтожили, а на границе квартала и города поставили другой световой щит.

Я хотела задать вопрос, но голос мне отказал. Вместо меня спросил Кинн:

– А как же люди? Их попытались спасти?

Нам никто не ответил.

Мне стало дурно, и аппетит совершенно пропал.

– Но почему?..

Кьяра судорожно вздохнула.

– Они испугались паники. Испугались, что не успеют возвести щиты вовремя.

Ферн вполголоса выругался, а девушка продолжила дрожащим голосом:

– «Если мы не хотим, чтобы болезнь охватила всё тело, надо отрезать руку, как бы больно ни было». Это слова Первой советницы Ликéи, с которыми она обратилась к альвионцам после... случившегося. Для нее благополучие целого города всегда было важнее, чем жизни отдельных людей.

Она резко встала и, подойдя к плите, всыпала промытый рис в закипевшую воду. Вдруг Кинн сказал:

– На улицах не осталось никаких следов от поглощенных жителей: ни одежды, ни прочих вещей... Это вы всё собрали?..

Нейт кивнул.

– Мы похоронили... останки во дворе храма. – Он тихо добавил: – Пришлось вырыть очень большую могилу.

После минутной паузы Кинн снова спросил:

– А витрины тоже вы заколотили? Зачем?

– Один из отступников разбил стекло – наверное, хотел использовать осколок как оружие, – ответил юноша. – После этого мы все витрины и заколотили, на всякий случай.

Собравшись с духом, я задала вопрос:

– А как вы сюда попали?

Нейт очнулся от воспоминаний и обратился к хмурому Ферну:

– Это твоя история, расскажи.

Тот бросил на нас угрюмый взгляд, пожал плечами и заговорил, уставившись в окно:

– Когда Тени только появились в Энтáне, мало кто понимал, что происходит. Знали лишь, что люди стали пропадать. А однажды Тень сожрала моего отца – прямо в нашем доме, на глазах матери. Тень пыталась поглотить и мать, но она выжила.

– Что?! – одновременно воскликнули мы с Кинном.

Значит, не только я смогла пережить нападение Тени?

Ферн вздрогнул, будто на какой-то миг забыл о нашем существовании, потом взглянул на нас и нахмурился.

– Вы же знаете о дремерах? Знаете, почему мы такие?

В голове у меня всплыли слова Утешителя Йенара: «Вина за то, что дети рождаются такими, лежит не на них самих, а на их родителях». Чувствуя, как перехватывает от волнения горло, я произнесла:

– Мне говорили, я стала дремерой из-за матери, но не объяснили почему...

И тут меня словно ударила молния и я как наяву услышала жадный шелестящий шепот Теней у Черного леса.

– Они сказали мне: «Твоя мать должна была стать нашей, но ускользнула от нас – вместе с нашей меткой. Всё рожденное ею по праву наше». Они сами сказали это, но тогда я ничего не поняла... Значит, они пытались поглотить мою мать, но не смогли и взамен решили забрать меня?..

Вскинув голову, я наткнулась на ошеломленные взгляды. Нейт пришел в себя первым:

– Кто тебе это сказал?

Нервно сглотнув, я проговорила:

– Тени.

Нейт растерянно переглянулся с Кьярой и Ферном, и меня прошиб холодный пот.

– А с вами... они никогда не говорили?

Все как один решительно покачали головами.

– Тогда почему?..

Судя по одинаковому недоумению на лицах, ответа ни у кого не было. Я в смятении опустила взгляд в тарелку. Значит, другие дремеры не умеют разговаривать с Тенями?..

В это время закипел рис, и Кьяра задвинула заслонку, уменьшая огонь. Кинн спросил:

– Получается, Тени могут поглотить не всех, но почему?

– Хотелось бы знать... – ответил Нейт, пожимая плечами.

Ферн продолжил рассказывать:

– Мать бросилась к родственникам, но ей никто не поверил, мол, бредни беременной: отец где-то задержался, а она себя накручивает, вот и привиделось невесть что. Тогда она собрала все ценные вещи и отправилась на корабле в Альвион. Она была красива, и, хотя вот-вот должна была родить, один мелкий торговец сделал ей предложение. Он согласился принять чужого ребенка, но потом... родился я. Как говорил мой отчим, только солнце с глаз, как я начинал орать, и так каждую ночь напролет. За это он меня возненавидел. – Голос Ферна звучал отстраненно, будто он говорил о ком-то другом. – Мать поила меня сонными настояшками, но они не помогали. Даже как-то раздобыла мне хризалий, да без толку – крики Теней всё равно меня будили.

У меня перехватило дыхание, и перед глазами возник сделанный мамой браслет из зеленых хризалиев. Так вот как мама поняла, что я дремера! Малышкой я плакала, слыша крики Теней. Ведь тогда у Зеннона не было разбуженного камнердца, а был простой световой щит, который не гасил крики. И именно поэтому мама использовала так много хризалиев – меньше не помогало.

Ферн продолжил говорить, и я постаралась сосредоточиться на его словах:

– Когда мне исполнилось восемь, мать заболела и вскоре умерла. Отчиму я и раньше был как кость в горле, а когда в десять лет мой дар так и не пробудился, он совсем озверел. Стал орать, что я проклятое отродье, потом схватил меня и потащил в ближайший храм, а там потребовал, чтобы меня очистили от проклятья. Служители, вместо того чтобы помочь перепуганному ребенку, вызвали Карателей, и те доставили нас с отчимом в Совет. – Ферн от зло-

сти стиснул зубы, а потом выплюнул: – Лживые лицемеры! Всё проповедуют о милосердии, но, будь у них самих хоть капля, меня бы тут не было!

Я заметила, как Кьяра побледнела и резко отвернулась к плите, чтобы помешать рис.

Нейт предостерегающе сказал:

– Ферн!..

– Что? Считаешь, я не прав?

Нейт молча кивнул на девушку. Ферн хотел что-то сказать, но сдержался. Встав у окна вполоборота, он продолжил глухим голосом:

– Почти полгода меня держали взаперти. Изучали, пока не убедились, что у меня точно нет дара. Задавали бесконечные вопросы. А потом явились Каратели и заявили, будто у них есть доказательство того, что проклятые, как я, привлекают Теней, и Совет принял единогласное решение отправлять дремер в Квартал.

Не поворачиваясь, Кьяра тихо, но твердо сказала:

– Не единогласное. Старшие Служители были против.

Ферн презрительно фыркнул, но не стал вступать в спор.

– Когда меня привезли к Кварталу, на площади было полно Карателей и Советников, а еще там стояли две клетки. В одну засадили троих отступников. Во вторую заперли меня. А щит... Тогда сквозь него еще можно было разглядеть, что творится в Квартале. И я понял: они хотят провести опыт, убедиться, правда ли дремеры привлекают Теней. – Голос Ферна вдруг опал, утратив злые ноты. – Когда стражники затолкали телеги с клетками в Квартал, меня наполнила такая чистая ненависть – ко всем, абсолютно ко всем, – что, когда появились Тени, я не испугался. А они и впрямь рванули сразу ко мне, будто больше никого не было. И когда первая Тень оказалась рядом, я ударил ее. Но вместо того чтобы умереть, я ее *поглотил*. И перевоплотился.

– Что сделал? – переспросили мы с Кинном одновременно.

– Поглотил Тень и принял тeneвую форму.

– Teneвую форму? Что это такое? И как... поглотил?

Ферн задумчиво посмотрел на свою правую ладонь.

– Просто коснулся. И Тень будто впиталась в меня. А потом... я стал другим. Каким-то животным, но не настоящим, а призрачным, тeneвым.

От изумления у меня расширились глаза и приоткрылся рот, пока я пыталась переварить услышанное. Кинн спросил:

– А как же другие Тени?

Вместо Ферна ответил Нейт:

– Когда мы в тeneвой форме, Тени не могут нас поглотить. Вот так мы здесь и выживаем.

– «Мы»?.. Значит, вы все?.. И Сай?..

В моей голове вдруг стали на место части мозаики. И я вспомнила еще кое-что.

– Вчера ночью я, кажется, видела странную птицу – черного ворона с белым крылом. Это?..

– Это был я, – сказал Нейт.

Глава 3

– Черный ворон с белым крылом? – переспросил Кинн.

Нейт кивнул.

– Когда перевоплощаешься впервые, теневая форма полностью белая, но чем больше Теней поглощаешь, тем темнее становишься. – Он опустил голову, но тут же снова вскинул и слабо улыбнулся: – Моя форма позволяет летать, потому-то я и смог вас выследить.

– А почему именно ворон? – спросил Кинн.

Улыбка Нейта погасла, когда он сказал:

– Ненавижу воронов.

Это был странный ответ, но пояснять юноша явно не собирался. Я чувствовала, что голова уже кружится от переизбытка сведений – и голода. Поэтому обрадовалась, когда Кьяра объявила, что рис готов, а Нейт встал из-за стола со словами:

– Мы с Ферном подождем вас в музыкальной гостиной, а то всё не даем вам поесть.

Метнув в нас холодный взгляд, Ферн вышел из кухни первым. Нейт чуть задержался, чтобы предложить Кьяре помощь, но она вежливо отказалась. Когда он повернулся к двери, я не выдержала и спросила:

– Вы не испытываете голода из-за теневой формы?

Нейт обернулся, и на лице его появилось странное выражение. Вполголоса он ответил:

– Мы не испытываем голода, потому что питаемся Тенями.

И ушел, оставив нас с Кинном в ошеломленном молчании.

Наконец, переглянувшись, мы приступили к еде. Рис был твердоват, но вполне съедобен и в меру посолен, и мой желудок радовался горячей пище.

Однако вскоре я почувствовала себя неловко. Кьяра то и дело смотрела на меня, но, как только замечала, что я это вижу, опускала глаза. И наконец я произнесла:

– Кьяра, послушай...

Та подняла голову и кивнула.

– Ты... тоже принимаешь теневую форму?

Снова кивок.

– Тогда почему?..

– Почему я ем обычную пищу?

Она отпила воды и медленно поставила чашку на стол.

– Когда поглощаешь Тень, сталкиваешься с... последствиями. Поэтому я стараюсь этого не делать. Нейт с Ферном тоже могли бы поесть, но они здесь так давно, что привыкли обходиться без пищи по нескольку дней.

– А откуда здесь вообще берется еда? – спросил Кинн.

– Ее – и иногда всякие полезные мелочи вроде мыла – отправляют на тележке раз в три дня, должны как раз завтра... – Кьяра еле слышно хмыкнула. – Если бы Каратели знали, что мы способны питаться Тенями, они бы давно перестали посылать сюда еду. Но, слава Предкам, они этого не знают.

Через пару минут я осмелилась спросить:

– На тебе ведь мантия Прислужницы? Как ты сюда попала?

Девушка нахмурилась и сжала губы, словно эта тема была ей особенно неприятна. И всё же она ответила:

– Меня воспитывали при Храме Серры Утешающей у Новоальвионского кладбища, там хоронят в основном иностранцев. Когда мне исполнилось десять и мой дар не проявился, повсюду уже только и было разговоров, что о дремерах. Совет выпустил указ, обязывающий ловить их и отправлять в Квартал Теней. Тем, кто помогает их обнаружить, полагается награда,

а тем, кто укрывает, – высылка в Квартал. Но Сестры всё равно оставили меня, сделав Прислужницей. Наш храм совсем небольшой и находится на отшибе – людей там бывает не много, и Каратели к нам не заглядывали, поэтому я так долго от них скрывалась. А поймали меня... – Кьяра мрачно улыбнулась, – мне просто не повезло.

С этими словами она встала, собрала грязные тарелки и, закатав рукава мантии, начала мыть посуду. Мне хотелось задать еще множество вопросов, но мы уже закончили завтрак, и к тому же нас ждали Нейт с Ферном.

В просторной светлой гостиной с задвинутым в самый угол роялем все расселись вокруг кофейного столика: Кьяра с Нейтом – на диване напротив нас с Кинном, а Ферн – в кресле, слева от меня. Его близкое присутствие кололо словно иголками, и я едва подавила желание пересесть.

В руках я сжимала мешочек с камнем-сердцем, который достала из-за пазухи, задержавшись в буфетной. Всё началось с него – и без правды о нем наш рассказ потеряет всякий смысл.

Кинн ободряюще кивнул мне, и я начала:

– Вы когда-нибудь слышали о камне-сердце?

Нейт с Ферном пожали плечами, а Кьяра задумчиво спросила:

– Это его изображают на гербе Гильдии камневидцев? В самом центре? Кажется, это символ чистого сердца, с которым ты подходишь к своим обязанностям, или что-то такое... Однажды я прочитала в какой-то рукописи из храмовой библиотеки, что первым камнем, который разбудила Серра, был не аркион, а камень-сердце, но настоятельница нашего храма, Старшая Сестра Милара, сказала, что это всё домыслы.

Я глубоко вздохнула. Даже у Служительниц не сохранилось правдивой истории.

Ферн нетерпеливо спросил:

– И при чем тут выдумки про камень-сердце?

– При том, что это не выдумки. Без него нашей истории не было бы.

Не дожидаясь, пока Ферн скажет что-нибудь еще, я открыла мешочек, вытряхнула камень на ладонь и вытянула руку так, чтобы они увидели прозрачный, наполненный танцующими искрами осколок.

Все невольно придвинулись ближе, и я едва не дернулась, когда Ферн оказался совсем рядом, с недоверием всматриваясь в камень.

Кьяра подала голос первой:

– Это... это он? Камень-сердце?

– Один из осколков. Это и есть наш секрет. Именно благодаря ему Тени нас не тронули.

Нейт с Кьярой одновременно вскинули брови, заговорив в один голос:

– Откуда он у вас?

А Ферн спросил:

– Как вам удалось протащить его в Квартал?

На его вопрос ответил Кинн:

– Камень-сердце отличается от других известных нам камней. Вы же знаете... кхм, или нет, – он запнулся, видимо, осознав, что перед ним люди, не пробудившие за свою жизнь ни одного камня. Кашлянув, он продолжил: – Обычно опытный камневидец способен чувствовать на близком расстоянии зов даже незнакомых камней, особенно разбуженных. Но камень-сердце... молчит. Вот он, рядом со мной, а я его не ощущаю. И даже если возьму в руку, то не увижу нитей силы – только то, что он разбужен. Скорее всего, поэтому Каратели его и не заметили.

Предваряя последующие вопросы, я посмотрела на Кьяру и сказала:

– Та легенда, которую ты упомянула, – о том, что Серра первым пробудила камень-сердце, – это правда. Но ее скрыли не просто так.

Глубоко вздохнув, я пересказала историю о падении Альканзара насколько могла точно: как младший сын Серры и Иалона – последний из Первых – от зависти к братьям и сестрам, а особенно к Энтане, погасил камень-сердце и развеял благословение, которое было призвано на эту землю.

Когда я замолчала, тишину прорезал голос Ферна:

– Вот же гад!

Кьяра ошеломленно уставилась на него:

– Как ты можешь!.. Он же один из Первых!

– Ты что, не слышала, что он сделал? Двуличный мерзавец! Ненавижу таких: в глаза говорят одно, а сами готовы в спину нож всадить.

Ферн бросил на Нейта тяжелый взгляд, который тот спокойно выдержал. Кьяра нахмурилась:

– Альканзар... Я думала, что он умер совсем молодым и поэтому даже в полных текстах служб о нем ничего не сказано. Неужели всё так и было?..

Нейт мягко произнес:

– Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, как всё было на самом деле. Мне интересно другое: если камень-сердце погас и даже Первые не могли его пробудить, откуда у вас разбуженный осколок?

Я посмотрела на осколок в своих руках.

– Мы не знаем, как и когда, но два неразбуженных кусочка камня-сердца однажды оказались в Альвионе. Отсюда их украли... лет семнадцать назад. Но тогда почти никто об этом не знал.

Я запнулась, чувствуя, как к горлу подкатил ком. Как я могу рассказать, что это моя мама украла их?

Неожиданно заговорил Кинн:

– Осколки отвезли в Зеннон, а мою маму отправили следом, так как она знала похитителя в лицо. Но камни тщательно скрывали, и у нее ушло много лет, чтобы найти их. За это время один из осколков пробудили, и... Вы слышали об эрендинах?

На лицах Нейта и Ферна отразилось непонимание, а Кьяра неуверенно сказала:

– С ними был целый скандал, верно? Кажется, Зеннон открыл силу камней и не пожелал делиться с Альвионом. Эрендины не позволяют Теням прорвать световой щит... – Тут ее брови поползли вверх. – Только не говорите... Это и есть осколки камня-сердца?

Мы с Кинном одновременно кивнули, и он продолжил:

– Их назвали так в честь того, кто пробудил один из осколков, – в честь Эрена Линда, отца Виры.

Почувствовав, что все смотрят на меня, я покраснела и опустила глаза.

Нейт спросил:

– Как ему это удалось?

Я с сожалением покачала головой:

– Не знаю. Отец умер, когда мне был год, а дядя, который меня воспитывал, ничего не рассказывал.

Дядя... Знал ли он о том, что такое эрендины на самом деле? Знал ли правду о моей маме? Почему, почему мы с ним ни разу откровенно не поговорили?..

Когда молчание с моей стороны затянулось, Кинн продолжил рассказывать о своих родителях и краже неразбуженного эрендина, а я вставляла то, что узнала от Утешителя Йенара.

Нейт с Кьярой были очень благодарными слушателями: они внимали каждому нашему слову, пораженно качая головами, а если перебивали, то чтобы задать точные, осмысленные вопросы. И даже Ферн постепенно оттаял и позволил любопытству отразиться на своем лице.

А услышав, что в Альвионе родителей Кинна задержали и обыскали, но камня не нашли, он нахмурился и спросил:

– Почему они не рассказали о тайнике?

Кинн покачал головой:

– Не знаю.

Нейт в задумчивости коснулся золотой серьги и проговорил:

– Из вашего рассказа у меня сложилось четкое впечатление, что твой отец не хотел, чтобы камень попал в Альвион. Он же присоединился к этой миссии позже, чем твоя мать? Может, передумал?

Кинн помрачнел.

– А что с ними случилось потом, вы знаете? – спросила Кьяра.

Украдкой взглянув на друга, я тихо ответила:

– Его мама умерла в заключении, а отца бросили в... – я собиралась сказать «особую тюрьму», когда до меня вдруг дошло. Вряд ли в Альвионе была другая особая тюрьма. Сглотнув, я закончила: – ... в Квартал Теней.

– Когда это было? – спросил Нейт.

Я неловко пожала плечами.

– Наверное, вскоре после того, как их схватили, – почти девять лет назад, может, чуть позже.

Нейт переглянулся с Ферном и сказал:

– Дремер начали отправлять в Квартал примерно в то время...

Я почувствовала, как Кинн подался вперед.

– Ронс Террен. Его звали Ронс Террен, – его голос дрогнул.

Лица юношей одинаково застыли, потом Ферн выпрямился в кресле и обменялся с Нейтом долгим взглядом.

– Ронс Террен, путешественник?

Кинн хрипло спросил:

– Вы что-то о нем знаете?

Нейт кивнул, вновь коснулся золотой полусферы в ухе и, пристально посмотрев на него, вполголоса сказал:

– Да. Он... умер у нас на глазах.

На миг тишина затаила дыхание, замерла и тут же разлетелась от тяжелого вздоха Кинна.

Кьяра сжала на коленях свою темно-зеленую мантию, Ферн уставился в окно, а Нейт сцепил руки в замок и опустил голову.

– Мы прожили в Квартале полгода. Тогда мы еще надеялись, что нас скоро отпустят. Караулили у щита, ждали, помогали другим дремерам. Держались подальше от отступников. Они... по-разному вели себя, когда в Квартале Теней к ним выходили малолетние оборванцы. Многие боялись нас, кто-то, наоборот, пытался схватить, чтобы узнать, как мы здесь выжили. А когда появился твой отец... – Нейт посмотрел на Кинна, – мы почувствовали, что он отличается от остальных. Обычно все впадают в истерику, кричат, пытаются прорваться сквозь щит обратно. Некоторые погружаются в себя, ни на что не обращая внимания, – так и сидят у щита, пока их не поглотят Тени. Вы, кстати, тоже повели себя совсем не так, как мы ожидали. Вот и Ронс, он был очень спокоен и не пытался вернуться – ушел вглубь Квартала не оглядываясь.

– Он был при смерти.

От хриплого голоса Ферна все вздрогнули. Юноша бросил на нас мрачный взгляд и снова уставился в окно. Нейт чуть слышно вздохнул и продолжил:

– Он был очень истощен и едва мог идти.

Краем глаза я заметила, как руки Кинна сжались в кулаки.

– Наверное, поэтому мы и решили к нему выйти – поняли, что нам бояться нечего. И к тому же, – юноша выглядел смущенным, – мы хотели знать, что происходит снаружи. Услышать это не от таких же десятилеток, как мы, а от взрослых. В общем, мы вышли к нему, и он... очень удивился, конечно, но когда понял, кто мы... – Нейт медленно покачал головой, – то пожалел нас.

Прикусив губу, я еле подавила желание взять Кинна за руку.

– Мы привели Ронса к себе домой – тогда мы жили в другом месте. Поделились едой. Он расспросил нас, откуда мы и как сюда попали. А потом спросил, нет ли у нас бумаги и карандашей. Когда мы ему всё принесли, он нарисовал карту Серры и стал рассказывать, где побывал и что видел. Это...

Нейт загнулся, открыл рот и снова закрыл. И я внезапно представила несчастных брошенных детей, которые сгрудились вокруг карты и слушают известного путешественника о его приключениях, позабыв – хотя бы ненадолго – о том ужасном месте, где находятся.

Ферн отрывисто произнес:

– Я спросил его, почему он здесь оказался, а он ответил, что исполнял долг сердца. Мы так и не поняли, что имелось в виду.

– Исполнял долг сердца?.. – нетвердым голосом переспросил Кинн.

Тот кивнул, а Нейт посмотрел на свои сцепленные руки и проговорил:

– Он сказал нам, чтобы мы не тратили на него время, но мы оставались с ним до самого конца. Пытались... задержать Теней, но их было слишком много. Их всегда слишком много, – едва слышно закончил он.

Я прикусила губу, чувствуя, что на глаза навернулись слезы. Кинн прерывисто вздохнул и спросил:

– А карта... она сохранилась? Я могу?..

Нейт бросил мимолетный взгляд на Ферна.

– Да, карта сохранилась. Только... она не здесь. – На его лицо словно набежала тень. – Она в Оранжерее.

– В Оранжерее? Мы можем туда попасть? – спросила я.

На лице юноши проявилась нерешительность, но потом он кивнул:

– Да, можем. Но давайте завтра? Вы еще не объяснили, как к вам попал этот осколок, и, если я правильно понимаю, это тоже непростая история. Расскажите вечером, а сейчас я предлагаю всем отдохнуть – если честно, в это время мы обычно спим. – Заметив мой удивленный взгляд, Нейт пояснил: – По ночам мы бодрствуем – в теневой форме спать невозможно, да и не хочется. А отсыпаемся потом – утром и днем.

Ферн встал с кресла и, засунув руки в карманы, взглянул на Кинна:

– Насчет карты... Посмотреть ты ее сможешь, а вот забрать – точно нет. Лучше и не думай.

– Почему?

Юноша усмехнулся:

– Потому что Глерр ее никому не отдаст. Он к ней слишком привязался.

– Кто такой Глерр? – спросила я.

Ферн перевел взгляд на меня, и его зеленые глаза сузились.

– Тот, кого не стоит недооценивать. Его внешность может сбить с толку, но он совсем не такой безобидный, каким кажется. – И с этими словами он вышел из залы.

Нейт вздохнул и покачал головой.

– Простите, Ферн иногда бывает...

Кьяра еле слышно хмыкнула:

– Иногда?..

Он чуть улыбнулся и спросил:

– Я так понимаю, вы остаетесь?

Кинн заметил мой решительный взгляд и кивнул.

– Отлично!

Когда все мы вышли в лиловую гостиную, Нейт указал направо:

– В той части наши с Ферном спальни. Кинн, ты будешь с нами, там есть свободная. А ты, Вира, иди с Кьярой.

Девушка уже подошла к двери, ведущей налево, а Нейт открыл дверь справа, когда я позвала Кинна:

– Можно тебя на минутку?

Подождав, пока наши новые знакомые выйдут, я подошла к нему. Лицо его было спокойно, но, уже зная его, я разглядела в дымчато-серых глазах затаенную боль. Всего час назад у Кинна была надежда – пусть и слабая – на то, что его отец жив и они когда-нибудь встретятся. А теперь ему пришлось попрощаться с отцом навсегда.

Мне хотелось как-нибудь утешить его, но слова не шли. Чтобы не молчать, я спросила:

– Камень останется у меня?

Кинн помедлил, словно не сразу понял вопрос, а потом кивнул.

– Хорошо, – пробормотала я.

Фразы одна глупее другой приходили мне на ум, и, сжав мешочек с камнем в руке, я прикусила язык, чтобы не сказать что-нибудь неуместное. Так ничего больше от меня и не дождавшись, Кинн развернулся и уже протянул руку к двери, когда я все-таки решилась. Сделала несколько шагов и робко обняла его сзади за плечи, прижавшись лбом к спине.

Кинн так и замер с протянутой рукой, потом медленно ее опустил. Закрыв глаза, я прислушалась к его дыханию.

Если бы можно было забрать чужую боль, я бы сделала это не задумываясь.

Где-то скрипнула паркетная доска, и, вздрогнув, я отстранилась от Кинна. Не поворачиваясь, он тихо произнес:

– Спасибо.

Потом Кьяра проводила меня по коридору, обитому уютными деревянными панелями, в спальню. И хотя после насыщенного утра на меня навалилась усталость, я долго не могла заснуть. Я думала о Кинне и его отце, о карте, которую тот нарисовал перед смертью, о Квартале Теней, его возникновении и о наших новых знакомых.

Если я правильно поняла, когда-то все дремеры – и Сай с приятелями, и Глерр, который хранил карту, и Нейт с Ферном – жили под одной крышей. Нейт, по словам Сая, был у них за главного. Я с легкостью могла представить его в этой роли: он был спокойным и рассудительным, к такому человеку хотелось прислушиваться. В этот образ не вписывалась разве что золотая серьга. Мне почему-то показалось, что это отнюдь не дань моде – вряд ли его это интересует. Не будь он дремером, я бы предположила, что в полусфере скрывается важный для него камень – но тот бы наверняка уже впал в спячку... И всё же Нейт серьгу не снимал, словно она для него что-то значила.

А еще тот странный взгляд, которым он на меня смотрел, – полный тоски и боли. Нет, мне не привиделось. Пока мы разговаривали в музыкальной гостиной, я несколько раз ловила его снова.

Случилось что-то, после чего Нейт ушел. Что именно?..

Кьяра вызывала во мне смутное ощущение, будто я ее уже где-то видела. Но где? Когда?

И Ферн... Резкий, неприветливый даже со своими друзьями. Да и друзья ли они? К Кьяре он явно настроен враждебно. Они с Нейтом стали первыми дремерами в Квартале, однако близости между ними не видно, наоборот, Ферн источает прохладцу. И отчего-то на меня он глядел так, будто я ему чем-то не угодила.

Как много вопросов. И самый главный: правильно ли мы с Кинном сделали, что доверились этим троим?..

Вечером, умывшись после сна холодной водой – солларов в квартире не было, – я присоединилась к юношам в музыкальной гостиной. Кинн был бледен, и мое сердце екнуло, но спросить его о самочувствии я не решилась. Тем более что все были поглощены беседой.

– Насколько вы в этом уверены? – спросил Кинн.

В ответ Ферн громко фыркнул.

– За девять лет мы исследовали каждый миллиметр этого проклятого щита. Только тележка с едой способна покинуть пределы Квартала. И нет, выбраться вместе с ней невозможно, – он с мрачным видом потер предплечье, – мы пытались, так в последний раз меня едва не расплющило.

– А вы не пробовали ее разобрать?

Ферн метнул в Кинна убийственный взгляд и отчеканил:

– Мы перепробовали всё, что можно. Даже вскрыли отсек с камнями, но, как понимаешь, с ними вышла неувязочка.

– А что за камни? Сколько их?

Видя, что Ферн сейчас взорвется, в разговор вклинился Нейт:

– Десять камней. Завтра сам увидишь.

– Хорошо, думаю, там должны быть камни, которые помогут выбраться отсюда.

В эту минуту к нам присоединилась Кьяра, и Кинн по просьбе Нейта продолжил рассказ о записке с тайником и миссии, которую на себя возложил, – забрать осколок камня-сердца и отнести родителям в Альвион.

– Я хотел, чтобы меня изгнали в день совершеннолетия, но... – он запнулся, искоса взглянув на меня, и я тут же вспомнила наш с дядей неожиданный визит, – подумал, что Утешитель может всё замять, если заподозрит неладное. И решил перенести на следующий день, чтобы он не смог меня остановить. Я... не думал, что в итоге всё так выйдёт, – последняя фраза была явно обращена ко мне, и, заметив, как внимательно на нас с Кинном смотрят остальные, я почувствовала, что краснею.

– А что пошло не так? – спросил Нейт.

Помедлив, Кинн ответил:

– Это был день Вириной свадьбы, и я ее сорвал.

– Не вашей свадьбы? – удивилась Кьяра.

– И что ты сделал? – заинтересовался Ферн.

Щеки у меня пылали, когда мы с Кинном одновременно воскликнули:

– Нет! Не нашей!..

В зале наступила звенящая от неловкости тишина. Кинн заговорил первым, на удивление ровным тоном:

– У Виры был жених, Хейрон Бернел... И я расстроил их свадьбу: просто неправильно рассчитал время – Вира увидела, как я сжигаю книгу Закона, и вмешалась.

– Ты сжег книгу Закона? – хором переспросили дремеры, а Кьяра с ужасом в голосе добавила:

– Но почему? Почему именно таким способом?..

Бросив на Кинна взгляд, я заметила, что он нахмурился и сжал кулаки.

– Вы знаете девиз Зеннона? «Закон для всех един». Так вот для некоторых Закона не существует – они сами себе Закон, но при этом с готовностью им прикрываются. А я ненавижу лицемерие.

– Да, но... – слабо возразила девушка, но Кинн ее перебил:

– Как бы то ни было, я так решил и был готов нести ответственность. Просто не ожидал, что впутая во всё это Виру.

– Я сама впуталась, – твердо проговорила я, после чего рассказала о нашем изгнании: о визите дяди и Утешителя Йенара в Башню Изгнания, о том, как попала к Псам, – умолчав про свои с ними взаимоотношения, – а о ловушке Волков рассказала совсем кратко. Но когда я дошла до того, что произошло с Псами, горло у меня перехватило и я позволила Кинну продолжить вместо меня.

Нейт нахмурился и спросил:

– Значит, Тени поглотили Псов, но вас не тронули? Почему?

Сглотнув, я тихо проговорила:

– Тени... признались, что хотели сделать мне больно.

Я подняла голову, но вместо сомнения увидела в темнокарих глазах Нейта понимание. Кинн рассказал о погоне Волков, о Лисицах, схвативших нас, о неудачной попытке бегства и о том, как вместе с Карателями прибыл Утешитель Йенар, который, как оказалось, использовал Лисиц в своих целях.

– Эти торгаши собирались продать тебя страже, с такой-то татуировкой, – неожиданно подал голос Ферн. – Да и тебя бы нашли куда пристроить, – добавил он, скользнув взглядом по мне.

Мы с Кинном переглянулись. Так вот почему Амри назвала нас «ценными гостями», а Лайн не пожелал рассказывать о Квартале Теней – хотел усыпить нашу бдительность. Что ж, кажется, вмешательство Утешителя нас спасло. Интересно, будь он жив, что бы сказал об этом?

Дополняя друг друга, мы рассказали о стычке между Лисицами и Карателями, о том, как сбежали, но не успели добраться в Альвион до заката. Внезапно мне вспомнился Хейрон из ночного кошмара, и я поняла, что не могу о нем говорить. Кинн, почувствовав мое волнение, очень сухо описал нашу встречу с Хейроном у Храма Серры-на-Перепутье и свою с ним драку. Ферн всё порывался съязвить, и, не выдержав, я гневно на него посмотрела.

Ты понятия не имеешь, что нам пришлось пережить.

В ответ дремер сузил глаза и, откинувшись в кресле, уставился на меня холодным тяжелым взглядом. Я с трудом приняла бесстрастное выражение лица и стала рассказывать о Тенях. После моих слов о том, что они жаждут поглотить весь свет, вдруг раздался мелодичный голос Кьяры:

– «Тени – это отпечаток зла, которое мы сами приносим в этот мир».

Заметив, что я на нее смотрю, она пояснила:

– Так говорит Матушка Алливия.

В голове у меня что-то щелкнуло.

– Матушка Алливия?.. – Я обернулась к Кинну. – Это не она?..

Он кивнул и сказал Кьяре:

– Эта Мать-Служительница проводила нас в Квартал.

Девушка неожиданно изменилась в лице и подалась вперед.

– Матушка... Как она?

– Выглядела бодро и... решительно.

Кьяра улыбнулась.

– Она всегда была такой. Правда, в последнее время сильно сдала: смерть Отца-Служителя ее подкосила – он был ей как родной брат. – Помолчав, она проговорила: – Значит, она всё еще провожает изгнанных в Квартал... Старшим Служителям давно пытались это запретить, якобы они баламутят народ, но Матушка отстояла это право.

Мне вспомнились странные слова Матери-Служительницы, и я осторожно спросила Кьяру:

– Скажи, а Матушка Алливия... Ей случалось путать людей?

Она решительно покачала головой.

– Нет, у Матушки очень хорошая память на лица. Она не часто бывала у нас в храме, но всегда всех помнила. А почему ты спрашиваешь?

Я пересказала вопросы Матушки обо мне и моих родителях. Кьяра внимательно на меня посмотрела и медленно проговорила:

– Наверное, в этот раз она ошиблась. Твои родители ведь из Зеннона?

– Отец – да, а мама... Мама из Альвиона.

Чуть вздрогнув, Кьяра спросила:

– А как?..

Но ее перебил Ферн:

– Это всё очень интересно, но мы так и не услышали, как вы пережили встречу с Тенями и оказались в Квартале.

Радуюсь его вмешательству – говорить о маме не хотелось, – я рассказала о том, как мне удалось развеять Тень. Дремеры дружно выдохнули, и Нейт спросил:

– Когда ты коснулась Тени, о чем ты думала? Вернее, на чем была сосредоточена?

Заметив, что Кинн на меня смотрит, и сгорая от неловкости, я тихо проговорила:

– Я... Мне хотелось защитить Кинна. Ведь это из-за меня...

Я запнулась, чувствуя, что мои щеки заливают румянец.

– Мы поглощаем Тень совсем не так... – задумчиво проговорил Нейт. – А что было дальше?

Мы с Кинном рассказали, как обнаружили, что камень-сердце разбужен.

– То есть ты развеяла Тень и этим пробудила камень-сердце, верно? – спросила Кьяра.

Я лишь пожала плечами. Если бы только у меня был ответ.

Когда мы наконец объяснили, как попали в Квартал, Нейт откинулся на спинку дивана и, проведя рукой по волосам, покачал головой.

– В жизни не слышал более невероятной истории.

Кьяра согласно кивнула. А Ферн, скрестив руки на груди, обвел нас с Кинном задумчивым взглядом, хмыкнул, посмотрел за окно – и вдруг вскочил.

– Сколько уже времени? – Не дожидаясь ответа, он подбежал к окну и потрясенно выдохнул: – Что за?..

Мы все кинулись к нему: внутренний двор покрывала черная кольшущаяся масса Теней.

– Что происходит? – ошеломленно спросила Кьяра. – Почему мы их не слышим?

Нейт напряженно нахмурился, потом пробормотал:

– Не могу перевоплотиться...

Мы с Кинном обменялись быстрыми взглядами.

– Это камень-сердце. Всё из-за него.

Ферн оторвался от окна и, повернувшись к нам, хмуро спросил:

– И на каком расстоянии он действует?

– Мы точно не знаем, но...

– Надо проверить.

Нейт согласно кивнул:

– Оставайтесь здесь, а мы разойдемся по разным комнатам и перевоплотимся, если вдруг камень где-то не действует.

Дремеры покинули залу, оставив нас с Кинном вдвоем. Убедившись, что мы и правда одни, я спросила:

– Как ты?

Не встречаясь со мной взглядом, Кинн ответил:

– Нормально.

Это явно было ложью: он держался с холодностью, за которой, как за ломким льдом, скрывались жгучая боль и отчаяние. Я хотела вернуть ему его же слова – что рядом со мной можно не притворяться, – но он заговорил первым:

– Завтра утром посмотрим на тележку с едой – кажется, это единственный способ выбраться из Квартала. Главное, успеть изучить камни и разобраться в их сопряжении... Вряд ли Каратели думали, что кто-то обладающий даром сможет до них добраться.

Его голос звучал настолько ровно и безжизненно, что, не выдержав, я шагнула к нему и позвала:

– Кинн...

В это время скрипнула дверь, и через пару секунд в залу широким шагом зашел Ферн. Увидев нас так близко друг к другу, он на миг замер, потом направился к креслу и, усевшись полубоком на мягкий подлокотник, бросил:

– Камень действует во всей квартире. Но если не хотите попасться Теням, за дверь не высовывайтесь – их там тьма-тьмушая.

– Да, это верно, – появившись в дверном проеме, сказал Нейт. Он приблизился и обвел нас с Кинном серьезным взглядом: – Этот камень и впрямь необыкновенный, но он... опасен.

– Почему? – поразила я. – Ведь он никому не причиняет зла!..

Нейт покачал головой.

– Конечно, сам по себе он не представляет угрозу, но вы и понятия не имеете, что будет, если о его существовании узнают другие. – Он нахмурился и взглянул на Ферна. – Если камень попадет к Саю...

– Но зачем камень дремерам? – спросил Кинн. – Ведь вы и так защищены от Теней.

Ферн вскинул брови и холодно произнес:

– Если бы ты хоть раз в жизни услышал их крики, тебе бы не пришел в голову такой дурацкий вопрос.

Кинн, сжав губы, промолчал, я же спросила у Нейта:

– А в теневой форме вы всё равно их слышите?

Он кивнул.

– Да, хотя не так громко и отчетливо. Должен признать, ради тишины можно пойти на многое. Но дело даже не в этом. Этот камень дает огромную власть – власть над вами. Стоит ему попасть не в те руки, и ваши жизни будут зависеть от нового владельца. – Лицо Нейта помрачнело, а меня вдруг охватил озноб. – Поэтому, – продолжил он, словно очнувшись, – нельзя, чтобы другие узнали о камне-сердце. Они не должны знать, что вы не умеете перевоплощаться и особенно что ты, – Нейт посмотрел Кинну прямо в глаза, – не дремер.

Нервно сглотнув, я посмотрела за окно, где стремительно сгущались сумерки.

Мне казалось, что ложь осталась позади, а теперь мне вновь придется притворяться кем-то, кем я не являюсь. Но сейчас на кону не просто дядина благосклонность, а наши с Кинном жизни.

Глава 4

Рассвет выдался зябким, и, чтобы согреться, я ускорила шаг, догоняя Кинна и дремер, которые направлялись к тележке с едой. Я шла и скользила рассеянным взглядом по разноцветным домам, стоявшим на улице вдоль щита. Их вид уже приелся, а от недосыпа казалось, будто я двигаюсь под водой, – всё вокруг было так же замедленно и размыто.

Вчера мы допоздна просидели в музыкальной гостиной, отвечая на вопросы о жизни в Зенноне и расспрашивая об Альвионе. Вконец охрипнув, я умолкла и позволила Кинну описать нашу школу. Глядя на то, как жадно наши новые знакомые внимают даже незначительным мелочам, я вдруг почувствовала, что в уголках глаз защипало. Девять лет... Девять лет, проведенных в изоляции от остального мира... Как же они до сих пор не сошли здесь с ума?

Возможно, именно эти мысли и породили ночью очередной кошмар: лабиринт тесных коридоров, откуда я тщетно пыталась найти выход, а потом – снова Хейрон, который настиг меня со словами «Ты моя!». Проснувшись в испарине, я долго не могла прийти в себя, пока не умылась.

При свете дня дурной сон истаял и стерся, но в глубине души засквозил противный холодок: неужели кошмары теперь будут являться каждую ночь?..

Из размышлений меня выдернул недовольный голос Ферна:

– Глерр на это не купится! «Пришли проведать»... Что за бред, даже мелкие поймут, что это полная чушь.

– Ну а ты что предлагаешь?

Ферн провел свободной рукой по растрепанным волосам; в другой он нес пустой деревянный ящик, который надо было вернуть на тележку с едой.

– Надо придумать какое-нибудь дело, которое бы не вызвало подозрений...

Скользнув по нам взглядом, юноша уставился на мою оборванную куртку.

– Склад... Ключ от склада – скажем, мы пришли за ним.

Нейт внимательно осмотрел нас с Кинном.

– А это дельная мысль, тем более что попасть на склад нам не помешает. Значит, решено.

К этому времени мы добрались до восточной части Квартала, где раньше, судя по каменным обломкам, был еще один мост через канал. Теперь над водой протянулись деревянные мостки, а посреди въезда блестела металлическая тележка, за которой, исчезая в мутной поверхности щита, тянулось несколько тросов, тоже металлических. На тележке были составлены пустые ящики, а рядом на постаментах с фонарями висели ящики с провизией. Не успела я спросить, кто их туда переставил, как Нейт заметил:

– Так, Глерр здесь уже побывал. Надо оставить немного для Сая.

Ферн небрежно забросил ящик на тележку, отчего остальные сдвинулись.

– Ты правда думаешь, что Сай сюда припрется? Ты же их видел – когда они в последний раз нормальную еду ели? Лучше сами заберем, раз уж у нас прибавление.

Нейт хотел возразить, но в эту минуту Кинн шагнул к тележке и, нахмурившись, провел ладонью по металлическому борту.

– Вы говорили про отсек, где он?

– Снизу, ближе к тросам.

Кинн опустил на колени и, наклонившись, ощупал руками дно, а потом поднял голову и с досадой произнес:

– Как я и думал, арганит... Это плохо.

– Почему? – спросил Нейт.

Поймав взгляд Кинна, я согласно кивнула. Да, арганит – это известная проблема. А Кинн, поднявшись, пояснил:

– Металл, как и дерево, хорошо сопрягается с большинством камней, но в отличие от дерева некоторые металлы способны скрывать их силу. Арганит именно такой – из-за него я не вижу, что здесь за камни. Мне нужен прямой доступ.

Нейт расстегнул взятую на этот случай сумку с инструментами, достал отвертку и занялся тележкой. Я же тихонько спросила у Кьяры:

– А зачем ящики сгружают с тележки?

Она перевела взгляд с юношей на меня.

– Здесь так заведено на случай, если кто-то опоздает: приходящий первым выгружает все ящики, чтобы их не забрали обратно.

– А почему они на постаментах?

Вместо Кьяры ответил подошедший к нам Ферн:

– Чтоб мыши не добрались. С крысами мы в свое время разобрались, а мышей оставили котам на закуску.

– Котам? – Я вдруг вспомнила того зверя, который нас едва не расцарапал, и сказала: – С одним, ободраным, мы повстречались. Еле от него сбежали.

– Вилли Вислоухий, опасный тип, – усмехнулся Ферн.

Я удивленно вскинула брови:

– Ты знаешь по именам всех местных котов?

Зеленые глаза юноши задержались на мне чуть дольше, чем следовало, и мое дыхание на секунду перехватило. Я поспешила отвести взгляд, а Ферн как ни в чем не бывало проговорил:

– Вилли все тут знают. Он был жалким заморышем, уродцем. Мы думали, не выживет, но его выходили. Он отожрался на мышах, залоснился, стал вполне себе нормальным котом. А потом его кто-то прибил, едва не насмерть.

Мы с Кьярой одновременно воскликнули:

– Кто?

Ферн пожал плечами, глядя на Нейта с Кинном, которые с хмурым видом что-то обсуждали.

– Говорят, это был отступник. Хотя тогда в Квартале не было ни одного... – Его лицо на миг застыло. – Но с тех самых пор Вилли ненавидит людей и держится от нас подальше. Не могу его в этом винить.

Тут, перебив юношу, с глухим резонирующим стуком упала отвертка.

– Да что ж такое!.. – прошипел Нейт.

– Чего ты там возишься? – спросил у него Ферн.

Нейт поднял голову – в темно-карих глазах горело раздражение:

– Они что-то сделали – теперь не получается открыть.

А Кинн добавил:

– Скорее всего, закрепили винты... Вы говорите, вскрывали отсек? Они, наверное, заметили и решили перестраховаться. Если б только тележка была деревянной... – он вздохнул.

– Она и была. Сначала, – сказал Ферн.

– Тогда почему?..

– Потому что мы перерубили оглобли тех деревянных телег, на которых стояли клетки для изгнанных. Надеялись, дураки, что больше никого не станут отправлять в Квартал. – Он фыркнул и покачал головой. – В клетках и вправду перестали привозить. Стали заталкивать прямо так. А здесь появилось это металлическое чудище.

Кинн встретился со мной взглядом, и мне стало ясно, что мы думаем об одном и том же. Я осторожно спросила:

– А телеги там, на площади... это те самые?..

Нейт, нахмурившись, переспросил:

– На площади?.. А, позавчера! По правде говоря, я не обратил на них внимания – не до того было. Мы их уже столько лет не видели... Но ты права, это они.

На лице его вспыхнуло озарение, но он не успел ничего добавить, поскольку металлические тросы вдруг натянулись и тележка, заскрипев, резко тронулась с места. Нейт с Кинном едва успели откатиться в разные стороны. Когда тележка скрылась за щитом, а они встали и отряхнулись, дремер проговорил:

– Нам эти клетки были так ненавистны, что мы их вместе с телегами затолкали подальше, а про камни и не подумали. Потом, конечно, спохватились, но клетки пропали – видимо, тогда-то Сай и прибрал их к рукам. Нужно как-то к ним подобраться.

Ферн покачал головой:

– Сай не идиот. Если он снова застучает нас на... как он там сказал?.. «своей территории», у него появятся вопросы. И уж тем более если он решит, что нам зачем-то понадобились его клетки. Так что мой совет – сначала попробовать разобраться с этим, – он кивнул в сторону скрывшейся тележки, – вдруг повезет. Хотя, – юноша улыбнулся, но глаза его при этом оставались холодными, – раз мы вообще здесь оказались, удача явно не на нашей стороне.

Днем мы отправились в Оранжерею, и я остро пожалела, что мы не взяли с собой воды: солнце припекало, от нагретого ласника поднимался жар. К тому же за домами, вдали от канала, ветер почти не ощущался.

Размякнув от зноя, все молчали.

Нейт с Ферном шли впереди, друг за другом, и даже со спины было заметно, что чем дальше, тем мрачнее они оба становились, словно над их головами сгущались невидимые тучи.

Кинн и я обменялись взглядами с Кьярой, но она только пожала плечами.

Оранжерея оказалась огромным особняком в западной части Квартала. За арганитовой оградой высился четырехэтажный дом, небесно-лазурный цвет которого неприятно напомнил мне миниатюрную девушку с площади. Перед зданием зеленела высокая трава, росли давно утратившие свою форму кусты и деревья, в ветвях которых щебетали птицы, а на крыше под лучами солнца сверкала стеклянная оранжерея.

Нейт с тяжким вздохом дернул калитку в главных воротах, она подалась, и мы прошли по подъездной дорожке к дому. Вблизи стало видно, что фасад был украшен морским орнаментом из белой лепнины: морскими звездами, ракушками и неморами. Но время подпортило эту красоту: стены покрывала сеть мелких трещин, краска кое-где выцвела, а местами облупилась.

Нейт не стал стучать или звонить в звонок, а просто открыл дверь и впустил нас внутрь. Мы оказались в просторном холле, выложенном бледно-голубой плиткой, с застоявшимся запахом плесени и отсыревшей ткани. Никто не вышел нам навстречу, но наших спутников, похоже, это не смутило – они сразу направились к широкой лестнице, ведущей на верхние этажи. Шаги гулко отдавались в общем безмолвии, и я, чувствуя себя неуютно, постаралась держаться поближе к Кинну.

Когда мы подошли к лестнице, я обратила внимание, что дубовые перила даже в плачевном состоянии поражают искусной резьбой – здесь прослеживался всё тот же морской орнамент, что и снаружи, а кованые балясины извивались подобно водорослям. Вот только сине-зеленый ковер, покрывающий ступени, при каждом шаге издавал неприятный запах.

Вдруг на самом верху лестничного пролета кто-то промелькнул. Послышался скрип двери. Ферн пробормотал негромко:

– Да неужели...

С каждой ступенькой его движения становились более резкими, порывистыми, тогда как тяжело шагающий Нейт, казалось, окончательно ушел в себя. От напряжения, явно исходящего от обоих, мое сердце заколотилось.

Наконец мы поднялись на четвертый этаж. Ферн без лишних церемоний распахнул резные двери, выкрашенные белой с золотом краской, и первым прошел в светлую гостиную, отделанную в изумрудно-зеленых тонах.

– Ну что, Глерр, давно не виделись!

С ближайшего к нам дивана поднялся юноша – увидев его, я изумленно заморгала.

У него были темные вьющиеся волосы до плеч и очень светлая кожа, сквозь которую просвечивали вены. На тонко очерченном лице выделялись поразительные синие глаза, а фигуру отличала изящная худоба. Он был одет в белую рубашку с кружевными манжетами и воротником, вышедшую из моды, наверное, еще во времена моего дедушки. Из-под черных свободных брюк, прихваченных атласным поясом, выглядывали босые ступни.

Больше всего Глерр походил на экзотический цветок: посади его посреди оранжереи, он пришелся бы там к месту.

Меня настолько ошеломила его внешность, что я не заметила, как из соседнего кресла поднялась девушка с длинными золотистыми волосами, собранными у висков. Ее белое платье с кружевом идеально гармонировало с рубашкой Глерра. Но если он напомнил мне цветок, то она – куклу: таким бесстрастным было ее красивое личико.

Юноша, видимо, был старше нас с Кинном года на два, а девушка – наоборот, младше.

Сделав несколько шагов, Глерр с живым любопытством оглядел нас и улыбнулся – правда, его улыбке не хватило тепла.

– Приветствую! – сказал он, в голосе слышалось легкое придыхание. – Нейт. Ферн. – Глерр перевел взгляд с одного на другого, но не стал пожимать им руки. – Какими судьбами?

Он продолжал улыбаться, но у меня возникло стойкое ощущение, что он был рад не больше своей златовласой подруги, которая остановилась чуть позади и молча нас рассматривала.

Ферн шагнул вперед.

– Вам привет от Сая.

Улыбка Глерра мгновенно померкла, а синие глаза обеспокоенно устремились за наши спины, к двери.

– Сай... Он вернулся с вами?

– Во-первых, никуда мы не возвращаемся, это всего лишь дружеский визит. А во-вторых, у нас с Саем случилась небольшая размолвка.

Глерр заметно расслабился, а Ферн с наслаждением протянул:

– Но он о вас не забыл.

Синие глаза хозяина сузились, и Нейт поспешил вклиниться в разговор:

– Саю ни до кого нет дела, не переживай. Мы пришли узнать, как вы тут, и взять ключ от склада. Новичкам нужна одежда и обувь.

Глерр отвернулся от Ферна и, оглядев меня, Кинна и Кьяру, тихонько выдохнул:

– О да, несомненно...

Почему-то даже брезгливый взгляд Риссы не задел меня так, как это едва слышное замечание. Именно в эту минуту Ферн обратился к златовласой девушке:

– Не хочешь поздороваться, Лютик?

На ее бесстрастном лице впервые появились эмоции: она нахмурила брови и поджала губы.

– Не зови меня так, пожалуйста.

Голос у нее был тонкий и капризный. Ферн спросил в притворном удивлении:

– Как же мне тебя еще звать, Лютик?

– Для тебя я Люцилла.

– А для Нейта? Может, он будет звать тебя Лютик? А, Лютик?

Вдруг за спинкой дальнего дивана кто-то захихикал. Глаза девушки потемнели от злости, она повернулась назад и сжала изящные руки в кулачки.

– Донни, паршивец, это ты? Значит, не ушел? Сколько раз тебе говорили, не подслушивай!

– Лю, успокойся. Он не стоит твоего внимания, – Глерр положил руку на плечо Люциллы, и ее лицо тут же разгладилось.

– Лю? – Голос Ферна заискрился от смеха, но прежде чем он успел что-либо добавить, вмешался Нейт:

– Донни, если ты тут, вылезай, позови остальных.

Из-за золотисто-зеленого дивана, шмыгая носом, вылез светловолосый парнишка лет десяти с оттопыренными ушами и озорными блестящими глазами. Нимало не смущаясь, что его застали за подслушиванием, он подошел к нам, обогнув Люциллу по широкой дуге. Пока мальчик смотрел на нас во все глаза, я вдруг почувствовала тяжелое молчание Кинна и Кьяры и с трудом сглотнула.

Он еще совсем ребенок.

Мы слышали о том, что дремер отправляют в Квартал с десяти лет, но одно дело слышать об этом, а другое – видеть.

Улыбнувшись, Донни шагнул к Ферну и преданно заглянул ему в глаза, отчего тот сморщился и нехотя взъерошил парнишке волосы.

– Рад, что ты тут освоился, малец.

– А то...

– Давай дуй, зови Тишу, Мара и Тайли.

– Я мигом!

Донни послал нам белозубую улыбку и с громким топотом скрылся за дверями, ведущими налево.

В гостиной воцарилось неловкое молчание. Нейт представил нас и объяснил, что татуировка Кинна была поставлена незаконно. Глерр вскинул брови, но расспрашивать ни о чем не стал, зато пристально посмотрел на нас, будто подмечая малейшие детали. Особенно долго он разглядывал меня и Кьяру. Наконец с объяснениями было покончено, и Нейт сказал:

– Глерр, может, пока мы здесь, ты покажешь новеньким, что у вас тут интересного?

Юноша оторвал от меня свой взгляд и проговорил:

– Я мог бы показать свои работы, но не уверен, что их оценят по достоинству.

Кинн переспросил:

– Работы?

Глерр снисходительно улыбнулся.

– Картины. Я художник. Орена щедро благословила меня своим даром, но, увы, здесь нет настоящих ценителей. Все хотят что-то попроще, попонятнее, поприменнее. Оранжею, например.

Кьяре внимание Глерра, видимо, тоже не понравилось, и она чуть прохладным тоном произнесла:

– Я бы с удовольствием посмотрела на оранжею.

Люцилла презрительно хмыкнула, но, когда Кьяра глянула на нее, вновь безжизненно застыла. В этот момент распахнулись двери, и в гостиную ворвался Донни.

– Привел!

Вслед за ним ввалился долговязый подросток, года на два младше нас с Кинном. Его темные волосы разлохматились, а рубашка и штаны, все в каких-то маслянистых пятнах, болтались как на вешалке. Из его кармана что-то со звяканьем выпало – неуклюже подобрал вещицу, он окинул нас смущенным взглядом и торопливо подошел к Глерру. Люцилла при виде него

сморщила нос и отвернулась. Парнишка сделал вид, что этого не заметил, но кончики его ушей покраснели.

– Мэрнон! – представил его Глерр.

Тот вздрогнул и глухо сказал:

– Просто Мар.

– Мар-кошмар, – довольно отчетливо прошептал Донни.

Подросток нахмурился и попытался ткнуть мальчишку в бок, но тот ловко увернулся.

В гостиную, робея, зашла невысокая курносая девушка с темными блестящими волосами до плеч и карими оленьими глазами. Увидев нас, она на несколько секунд замерла – взгляд ее метнулся от Нейта к Ферну, а затем задержался на мне, и девушка, как показалось, вздрогнула. И только потом, словно очнувшись, она обернулась и позвала:

– Тиша!

Из-за двери выглянула худенькая светловолосая девчушка помладше. Посмотрев на нас большими испуганными глазами, она приоткрыла рот, шагнула назад и уже развернулась, чтобы уйти, как тут к ней подбежал Донни.

– Тиша, заходи! Они нас не тронут!

В том, как парнишка пытался ободрить девочку старше себя, было что-то трогательное и одновременно грустное. Наконец Тиша сдалась и, держась за руку Донни, прошла в гостиную, где сразу же спряталась за спиной долговязого Мара. Кареглазая девушка, которая представилась как Тайли, встала по правую руку от Глерра и оглядела всю нашу компанию, но, заметив, что я тоже смотрю на нее, смутилась и опустила голову.

Когда мы все познакомились, Нейт спросил Глерра:

– Так что, может, все-таки покажешь свои работы? А заодно и карту?

Синеглазый юноша обвел нас задумчивым взглядом, ненадолго задержав его на Кьяре. Я замерла и чуть ли не физически ощутила, как напрягся рядом Кинн. А Глерр прохладно улыбнулся и ответил:

– Хорошо. Возможно, вам известно, что живопись любит тишину. Я возьму с собой только троих, желательно тех, кому близок дух искусства. Остальные могут изучить оранжерею.

Нейт поспешно сказал:

– Я пойду с тобой и, наверное, Кинн? Вира?

Кинн согласно кивнул, но прежде чем я успела ответить, раздался голос Ферна:

– Мне цветочки неинтересны, лучше посмотрю на твои картинки, Глерр.

Тонкое лицо юноши на миг исказила досада, но всё же он безмятежно отозвался:

– Как пожелаешь.

Никого не дожидаясь, он развернулся и, мягко ступая босыми ногами по паркету, направился к еще одному выходу из комнаты. Люцилла по пятам следовала за ним. Ферн, хлопнув Донни по плечу, широким шагом двинулся туда же. Тиша, выступив из-за Мара, вскинула на меня испуганные глаза и потянула его за рукав. Неловко потоптавшись на месте, подросток пробормотал что-то вроде прощания, и они ушли.

Поймав взгляд Кинна, я ободряюще ему улыбнулась, но в ответ он лишь коротко кивнул, и мое сердце зануло. Как он отреагирует, когда увидит карту, которую его отец нарисовал перед самой смертью?..

Нейт положил Кинну руку на плечо, что-то тихо сказал, и они вышли вместе.

В гостиной, помимо меня, остались только Кьяра, Тайли и Донни. Мальчишка дернул себя за оттопыренное ухо и, улыбаясь во весь рот, указал на нас с Кьярой:

– А вы обе хмуритесь одинаково. Это так занятно!

Оглянувшись на девушку, я заметила сходное недоумение в ее взгляде.

– Вы... вы посмотрите оранжерею? – робко спросила Тайли.

Когда мы ответили согласием, она вдруг смутилась и проговорила:

– Только там у меня всё разбросано... Давайте я пойду вперед, а Донни вас проводит.

Несмотря на заверения, что беспорядок нас не волнует, она всё же убежала первой. Донни снисходительно заметил:

– Тайли всегда такая – переживает из-за того, кто что подумает.

От лестничной площадки мы прошли по коридору, увешанному гобеленами, а потом – по другой, узкой, лестнице наверх. Всё это время Донни щебетал, как довольный воробушек, и было сложно представить, что ему тоже пришлось пройти через ужасы Квартала.

– Я здесь всего два месяца и поначалу не мог никого запомнить. И знаете, что сделал? – Донни по очереди заглянул нам в лица и с гордостью выдохнул: – Придумал рифмы. «Мар опять замарался!», «Люцилла лютики не любит», «У Тайли тайны», «Тише Тиши только мыши». Как вам?

Кьяра улыбнулась.

– А про Глерра что?

Донни шмыгнул носом и насупился.

– Про Глерра не буду, а то он меня без еды оставит.

– То есть как? – спросили мы с Кьярой одновременно.

– Ну, вот так. С голоду-то я не помру, но он знает, что я яблоки ужасно люблю. И сыр тоже. А за провинности – никакой еды. И не поспоришь. Глерр же тут самый главный.

Губы у меня сжались сами собой. Это за какую же провинность можно лишиться ребенка и без того скудной пищи?

На самом верху узкой лестницы Донни вдруг обернулся и с горящими от любопытства глазами спросил:

– А вы в кого обращаетесь? – От неожиданности я споткнулась, больно ударившись ногой о край ступеньки. Мальчишка, ничего не заметив, продолжил: – Я вот в обычную дворнягу – наверно, потому что у соседей пес жил, всю жизнь у меня перед глазами маячил. Ну, я так думаю... А вы в кого?

Я бросила на Кьяру встревоженный взгляд: и что на это ответить? А она совершенно спокойно проговорила:

– В немор.

Донни так и замер с открытым ртом.

– Что, правда? – наконец выдавил он из себя. Кьяра пожала плечами и, пряча улыбку, прошла мимо восхищенного мальчика. Честно говоря, я тоже пришла в восторг – от того, как ловко ей удалось уйти от ответа.

Мы ступили на широкую, залитую светом террасу, и у стеклянных дверей оранжереи Донни вдруг повернулся к нам и умоляюще спросил:

– Сможете дальше сами? Всё равно в кустах ничего не понимаю. Вам Тайли, если надо, их покажет. А я ужас как хочу послушать Ферна с Глерром, – его глаза озорно заблестели.

Кьяра с улыбкой отпустила его. Восклицнув: «Класс!», парнишка в мгновение ока испарился с террасы.

Отворив пыльную дверь оранжереи, мы вошли внутрь. Словно волной, нас окатило ароматами растений и теплым запахом влажной земли – и мы замерли, осматриваясь вокруг. Вдоль стеклянных стен, где в специальных пазах были укреплены люминарии, по всему периметру шла широкая грядка, засаженная пряными травами, а в центре вытянулась клумба с пышными кустами роз и россыпью разнообразных цветов. Где-то впереди тихо струилась вода.

Было видно, что расположение посадок тщательно продумано, однако оранжерее явно не хватало ухода: тут и там торчали сухие необрезанные ветки и в изобилии росли сорняки. То ли из-за неприглядного впечатления, то ли из-за духоты, но мне захотелось поскорее уйти отсюда.

Мы медленно двинулись по дорожке, выложенной разноцветными плитками – заметив характерные прожилки, я поняла, что это устойчивый к влаге морриан: его использовали для отделки искусственных прудов и бассейнов в богатых домах. Кьяра нахмурилась и что-то пробормотала себе под нос, но я расслышала только концовку фразы:

– ...чем они занимаются.

Только я хотела спросить, о чем это она, как из-за поворота, скрытая разросшимся кустом вернейских роз, на нас едва не налетела Тайли. Девушка испуганно ойкнула и оступилась, а из лейки, которую она держала в руках, вода выплеснулась прямо на подол Кьяре.

– Простите... – расстроилась Тайли.

Кьяра отряхнула мантию.

– Ничего страшного.

– Я не слышала, как вы зашли... Простите, я...

Девушка так смутилась, что еще немного – и заплакала бы. Чтобы отвлечь ее, я сказала:

– Это потрясающая оранжерея! Просто невероятно: даже вернейские розы есть, а ведь они довольно прихотливы.

Вцепившись в лейку, девушка бросила на Кьяру неуверенный взгляд, потом посмотрела на меня и, опустив глаза, ответила:

– Спасибо. Мы стараемся. Но всё тут сохранилось только благодаря Лилле.

– Лилле? А она сейчас не с вами? Она с Саем? – спросила я, подумав о миниатюрной девушке с сиплым голосом, чье имя мы не узнали. Почему-то мне было трудно представить ее в роли садовницы.

Вздвигнув брови, Тайли тяжело вздохнула и тихо проговорила:

– Лиллы больше нет.

Мы с Кьярой переглянулись, и она мягко сказала:

– Нам очень жаль. А что с ней случилось? Тайли, ты можешь рассказать?

Та огляделась, убедилась, что мы одни, и кивнула:

– Давайте присядем, здесь есть скамейка.

Она провела нас по дорожке вглубь оранжереи. Дальняя стена шла полукругом, огибая журчавший фонтан – прекрасную двухъярусную чашу из белого с тонкими серыми прожилками отполированного морриана. На его вершине застыли два белоснежных голубя, из клювов которых лилась вода. Это было удивительно! Наверное, бывший владелец особняка невероятно любил оранжерею и вложил в нее немало средств, раз за столько лет фонтан не забился и не испортился.

Напротив фонтана стояла небольшая изогнутая скамейка, над которой нависали ветви еще не зацветших вернейских роз. Я и Кьяра, поколебавшись, сели, а Тайли, поставив лейку на цветные плиты, вполборота встала у фонтана и положила руки на край.

– Лилла была истинной нуммийкой, она обожала возиться с растениями, с цветами. Вечно была перепачкана землей. Любила животных, даже крыс жалела, когда мы их изводили. Лиллу отправили в Квартал всего за месяц до меня, а к моему появлению она уже занималась этой оранжереей. Хотя нам тогда было-то по десять лет. Говорят, первым делом после обратного перевоплощения она бросилась поливать какие-то засохшие цветы... Сперва никто не верил, что оранжерею можно оживить, – она же столько лет была заброшена. Но Лилла ничего не желала слушать. Видели бы вы, как неумоимо она искала растения, которые можно было выходить! Да еще гоняла ради них по всему Кварталу Ферна с Нейтом...

– Гоняла Ферна? – с недоверием, словно ослышавшись, переспросила Кьяра. – И что, он ее слушался?

Тайли слегка улыбнулась.

– Ферн поначалу изводил ее дурацкими шуточками, а Нейт... просто помогал. Думаю, они поддержали эту идею, потому что делать-то было особо и нечего. А Лилла была одер-

жима оранжерей, и это вдохновило всех нас, объединило, ведь появилась хоть какая-то цель. А потом, когда стало ясно, что Лилла и правда разбирается в садоводстве, и у нас распустились первые цветы... Мы поняли, что даже в Квартале Теней найдется место для...

Тайли сбилась, подыскивая нужные слова, а я вспомнила, как Псы слушали мою игру на фортепиано, и неожиданно для себя самой сказала:

– Красоты.

Девушка подняла ко мне удивленное лицо, затем медленно кивнула.

– Да, наверное. Красоты.

Какое-то время она молча смотрела перед собой, словно потерявшись в воспоминаниях, потом продолжила:

– Когда Лилле исполнилось пятнадцать, Ферн предложил ей встречаться...

– И она согласилась?

Кьяра тут же сжала губы и нахмурилась, словно жалея о своем вопросе.

Я тоже недоумевала: было сложно представить более странную парочку: хмурый, злой Ферн – и девушка, обожающая цветы.

Тайли, словно прочитав мои мысли, негромко произнесла:

– Рядом с ней он был другим...

Она задумчиво провела кончиками пальцев по кромке белой чаши.

– А потом, где-то через полгода, она с ним порвала. – Тайли уставилась в одну точку, закусив губу. – Скандал был грандиозный... В тот день, когда Лилла его бросила, Ферн поднялся сюда, в оранжерею, чтобы еще раз поговорить с ней. Но она была не одна. Они с Нейтом обнимались.

Я почувствовала, как поерзала на скамейке Кьяра.

– Для Ферна это был огромный удар. Он решил, что она всё это время встречалась с Нейтом за его спиной. Он разругался с ними и ушел. И до сегодняшнего дня не возвращался.

Оглянувшись на нас, Тайли вцепилась в край фонтана.

– Лилла потом мне всё рассказала. На самом деле никаких тайных встреч с Нейтом у нее не было, но Ферн ничего не хотел слышать.

Девушка тихонько покачала головой и продолжила:

– И Нейт, и Лилла, конечно, переживали из-за Ферна, из-за того, что он остался один, но вместе они выглядели счастливыми. Лилла – так та светилась, как люминарий. Но спустя еще полгода... – Тайли замолчала и несколько секунд смотрела, как льется в фонтане вода. – Спустя полгода Лиллы не стало.

Мы с Кьярой обменялись взглядами, и я осторожно спросила:

– Что произошло?

Тайли опустила голову.

– Ее поглотили Тени.

– Но... Как?

Девушка отвернулась и едва слышно проговорила:

– Она позволила Теням себя поглотить.

– Что? Почему?

Не оборачиваясь, Тайли помотала головой и, внезапно всхлипнув, потеряла глаза.

– Простите... С тех пор прошел почти год, но всё как будто вчера... Мы не знаем, никто не знает почему... Когда она не вернулась утром, мы тут же начали ее искать. Нейт вспомнил о любимом месте Лиллы – сквере, где она часто бывала. И там... мы нашли ее одежду, а в ней – записку: «Прости». И больше ничего.

В оранжерее наступила тишина, прерываемая лишь журчанием фонтана и тихими всхлипываниями Тайли. Наконец девушка проговорила:

– Мы не знали, что делать, и в итоге похоронили Лиллу... то, что осталось... прямо здесь, в оранжерее. Ей бы это понравилось, ведь она так любила это место...

– А Нейт?.. – спросила Кьяра приглушенным голосом.

– Нейт после похорон просто исчез. Мы испугались, думали, он... решит последовать за Лиллой. Но Глерр нашел его в каком-то доме на востоке Квартала. Похоже, Нейт не выходил оттуда больше месяца. Он отказался возвращаться в Оранжерею.

Тайли прошептала: «Простите», – и, зачерпнув воды из фонтана, умыла лицо. Только после этого она, шмыгнув носом, продолжила:

– Сперва мы ждали, надеялись, что Нейт вернется... что они оба вернутся, но потом стало ясно, что нет. И тогда Сай тоже ушел, забрав с собой Риссу, Дэла, Лио – в общем, почти всех старших ребят. Сказал, что ему здесь скучно. А мы остались с Глерром. – Помолчав, девушка вскинула на нас покрасневшие глаза: – Но скажите, Нейт с Ферном – как оказалось, что они снова общаются? Мы думали, что больше никогда не увидим их вместе.

Пожав плечами, я взглянула на Кьяру. Та часто заморгала, нервным движением поправила на коленях ровную мантию и наконец сказала:

– Если я правильно поняла, они объединились месяц назад, после того как спасли меня.

– Правда? – не сдержала я своего удивления.

Кьяра кивнула.

– Когда меня... Когда я попала в Квартал, следом отправили отступника. Я не знала... Я не успела отойти от щита далеко, услышала, что появился кто-то еще, и пошла навстречу – подумала, что... – она прикусила губу и резко мотнула головой, – не важно. Я поняла, кто он, только когда разглядела его татуировку. А он, вместо того чтобы убежать от меня подальше, наоборот, бросился ко мне.

Тайли ахнула, прижав руку к груди, а у меня внутри всё оледенело. Мне отчетливо вспомнился собственный кошмар, и голова на миг закружилась.

Кьяра продолжила:

– Мне удалось сбежать, но меня чуть не поглотили Тени. Уже потом я узнала, что Ферн обычно следит в это время за щитом и встречает всех дремер, но в тот раз он пропустил момент, когда я появилась, и заметил только отступника и как тот куда-то вдруг побежал. К тому времени, как Ферн выбрался на улицу, мы уже скрылись за поворотом. – Она опустила взгляд на колени. – Я спряталась в какой-то арке, за кучей хлама. Так бы и сгнула, если бы не Нейт. Он нашел меня и вывел к Ферну. – Кьяра замолчала, словно собираясь с мыслями, потом сказала: – Они спасли меня. Пока Нейт отвлекал Теней на себя, Ферн помог мне принять тeneвую форму.

Тайли подала голос:

– А почему ты не пришла к нам в Оранжерею?

На щеках Кьяры показался легкий румянец.

– Я... не захотела. Нейт предлагал, но... Я не знала, чего от вас ждать, и спросила, могу ли... могу ли остаться с ним. – Она покраснела еще больше и торопливо продолжила: – Как оказалось, Ферн всё слышал и тут же объявил, что тоже остается.

– Почему?

Кьяра замялась:

– Уже и не помню, что он Нейту наговорил...

– Ну а Нейт что? – шепотом спросила Тайли.

– Ничего. Просто разрешил Ферну остаться. Я тогда не поняла, о чем это они и что между ними было...

Она резко встала, отчего мы с Тайли вздрогнули.

– Спасибо, что всё рассказала, Тайли. Не станем тебя больше задерживать.

– Д-да, конечно. Надеюсь, еще увидимся, – растерянно проговорила девушка, глядя вслед Кьяре, которая, взметнув подол, зашагала прочь.

Я тоже поднялась, улыбнулась на прощанье и пошла за Кьярой, не понимая, почему она так торопливо сбежала.

– П-прости!

Я обернулась. Тайли стояла, сцепив перед собой руки.

– Тебе кто-нибудь говорил, что вы с Лиллой?.. – Заметив мой недоумевающий взгляд, она стушеввалась. – Нет, нет, ничего. Извини.

Она тут же отвернулась и, подхватив лейку, скрылась за кустом вернейских роз. Я постояла немного и зашагала к выходу, чувствуя обескураживающую растерянность.

Мы с Лиллой – что? О чем мне никто не сказал?

Глава 5

Я догнала Кьяру на лестнице – она, задумавшись о своем, шла молча, чему я была даже рада, – и тоже погрузилась в размышления. От меня что-то скрывали, и в душе поселилось неприятное тоскливое чувство.

Только когда мы подошли к гостиной, я запретила себе думать об этом. В конце концов, рано или поздно я об этом узнаю. Выдохнув, я шагнула за Кьярой внутрь.

Раскрасневшаяся Люцилла, в облике которой не осталось ничего от красивой куклы, кричала на Ферна:

– ...Лучше б ты не приходил! Вечно всё портишь!

Тот, презрительно фыркнув, процедил:

– Вот, значит, как...

Глерр положил руку на плечо девушке, успокаивая ее. Только Нейт с Кинном, явно не в своей тарелке, обратили на нас внимание, и Нейт облегченно улыбнулся:

– А вот и вы!..

Кьяра, мельком глянув на него, решительно направилась к Глерру и громко спросила:

– Кто здесь занимается детьми?

Юноша, что-то шептавший Люцилле, вздрогнул и в недоумении обернулся.

– Что?

Кьяра четко и внятно повторила:

– Я спросила: кто здесь занимается детьми?

Глерр выпрямился и медленно оглядел ее с ног до головы. Все в гостиной застыли, даже Ферн и Люцилла перестали сверлить друг друга взглядами.

Кьяра вскинула подбородок, упрямо проговорив:

– Донни, Тиша, Мар – с ними кто-то занимается? Учит их чему-нибудь?

– Здесь есть библиотека, они могут в любой момент почитать...

– Нет, я имею в виду, им кто-нибудь что-нибудь преподает?

В глазах Глерра промелькнуло раздражение.

– Я всегда готов наставлять тех, кого Орена благословила хоть крупницей своего дара, но, боюсь, кроме Тиши, никто не обладает необходимой усидчивостью, я уж молчу о том...

Девушка вновь перебила его:

– Кто-нибудь учит их чему-нибудь *стоящему*?

Люцилла пораженно ахнула, а Глерр прищурился:

– Могу я узнать, с какой целью ты спрашиваешь?

Кьяру, похоже, несколько не смутил его тон – ровный, но в то же время угрожающий. Она ответила:

– Дети не должны находиться в праздности. Если вы не можете заниматься с ними, тогда я *сама* буду обучать их.

Глерр поднял брови и улыбнулся краешком губ.

– Нет. Я не позволяю.

– Нет?.. – Кьяра заморгала, на мгновение сбита с толку, затем нахмурилась. – Что значит «не позволяю»? Дети имеют полное право...

В синих глазах заплескалась насмешка.

– Видишь ли, дорогая Кьяра, в некотором роде я опекун этих детей, – Глерр бросил быстрый взгляд на Нейта, – а значит, я, и только я решаю, на что они имеют право, а на что – нет.

Девушка задохнулась от возмущения, а он продолжил:

– Сейчас двери этого дома открыты для всех желающих, но если я пойму, что кого-то мои правила не устраивают, то запру Оранжею.

– Глерр, послушай... – заговорил Нейт, но Кьяра, вспыхнув от злости, его прервала и подчеркнуто спокойно сказала:

– Что мне сделать, чтобы ты передумал?

Глерр медленно улыбнулся, а его глаза вспыхнули.

– Я хочу нарисовать ваш портрет.

Захваченная врасплох, Кьяра приоткрыла рот и пробормотала:

– Я... никогда... я... – но потом, кашлянув, твердо произнесла: – Хорошо, я согласна.

Люцилла, шумно вздохнув, вперила в нее неприязненный взгляд. Улыбка Глерра стала еще шире.

– Нет, я имел в виду вас обеих, – и он кивнул на меня.

В лицо словно направили свет множества люминариев – на миг я даже зажмурилась, чувствуя, как неистово забилося сердце.

Он хочет нарисовать *меня*? Зачем?

Я посмотрела на Кьяру, которая обернулась ко мне с мольбой во взгляде, затем на Кинна – он едва заметно покачал головой. И меня вдруг озарило.

– Я согласна, но при одном условии.

Глерр вопросительно вскинул брови.

– Позвольте нам с Кинном изучить вашу карту. – Заметив сомнение в его глазах, я добавила, стараясь звучать искренне: – Мне очень нравятся карты, всегда нравились. И Кинну, я знаю, тоже. Мне сказали, ваша карта – огромная редкость, поэтому хотелось бы как следует ее рассмотреть.

Я выдержала пристальный взгляд Глерра, стараясь не выдавать собственного волнения. Наконец он тряхнул темными кудрями.

– Хорошо. Я согласен. Завтра жду вас обеих через два часа после рассвета. Час я вас пишу, потом у вас есть полчаса на карту – и ни минутой больше. Где выход, вы знаете.

На прощание изогнув губы в холодной полуулыбке, он вышел из гостиной вместе с Люциллой.

Наша компания покинула Оранжею в тягостном молчании. Когда мы шли по подъездной дорожке, я оглянулась, и наверху, за стеклянной стеной, мне почудилась темная фигура – видимо, Тайли до сих пор там работала.

Едва мы миновали ограду и Кинн приблизился ко мне, собираясь что-то сказать, как раздался громкий и злой голос Ферна:

– Что это ты там устроила?

Кьяра, к которой был обращен вопрос, на ходу бросила:

– Ты о чем?

– Чего ради полезла к Глерру? Разве я не предупреждал, что с ним лучше не связываться?

Она пренебрежительно фыркнула:

– У вас тут хоть с кем-то можно связываться?

Ферн сузил глаза:

– Что, так хочется заполучить свой портрет?

Кьяра шумно выдохнула:

– Я иду на это, только чтобы помочь детям.

– Они уже не дети.

Девушка бросила на него раздраженный взгляд и сердито проговорила:

– Конечно, еще дети. Сколько им? Десять? Одиннадцать?

– Мару четырнадцать.

Она качнула головой:

– Ребенок. Чем они целый день заняты? Околачиваются в Оранжерее?

На лице Ферна заиграли желваки.

– А чем еще, по-твоему, они должны быть заняты?

Кьяра так резко остановилась, что мы с Кинном едва не уткнулись ей в спину. Ферн тоже притормозил и холодно уставился на девушку. Нейт, идущий впереди, оглянулся и замер, переводя взгляд с одного на другую.

Голос Кьяры задрожал от едва сдерживаемых эмоций:

– Чем должны быть заняты... Они хоть читать умеют? А писать? Им надо учиться! А чем они питаются? Одними Тенями? Не смешите меня... Они растут, им нужно больше есть! А Глерр их и того лишает!..

На лице юноши отразилось недоумение, быстро сменившееся холодной злостью.

– Учеба, еда... Это *ты* не смей меня. Здесь не сиротский приют при храме, это тюрьма! Пусть вообще радуются, что живы остались!

Он развернулся и ушел, никого не дожидаясь.

Пару минут были слышны только стук его ботинок и прерывистое, яростное дыхание Кьяры. Потом она повернулась к Нейту:

– Я что, неправа? Этим детям нужно помочь! Если вы не хотите... Если *мы* не хотим, чтобы они сбежали к Саю, ими надо заниматься сейчас!..

Нейт взглянул на удаляющуюся фигуру Ферна и подошел к Кьяре.

– Ты права. Но пойми: мы никогда об этом так не думали. Все наши мысли были заняты только выживанием. В Оранжерее и правда есть библиотека, и в свое время мы натаскали туда еще книг, так что желающие всегда найдут что почитать. Но ни один из нас, кроме Глерра и Лио, не получил образования, поэтому нам даже в голову не приходило с кем-то специально заниматься. А Ферн... не думай, что он такой бессердечный. Скорее, наоборот.

Мы посмотрели вслед юноше, который успел дойти до конца улицы и как раз поворачивал – в противоположную от дома сторону. Нейт вздохнул.

– Ферн добровольно взвалил на себя огромную ответственность: он помогает каждому новоприбывшему дремеру принять тeneвую форму. Каждому! А это тяжелое бремя. Обычно Ферн работает в паре со мной, но так получилось... – на секунду он замялся, – что Донни он помог сам, в одиночку. Поэтому он и утверждает, что они уже не дети. Они смогли пережить этот ужас и не сломаться. Они сильные.

Кьяра прикусила губу.

– Я понимаю. Но это не то, что я имела в виду...

Нейт мягко сказал:

– Ты права: не зная цели, легко сбиться с пути. Ребятам точно не помешают занятия. Просто... лучше не заводить подобные разговоры с Ферном. А теперь, раз уж у нас есть возможность, – он достал из кармана ключ, – давайте зайдем на склад.

Вечером мы собрались в музыкальной гостиной – все, кроме Ферна, который так и не вернулся. Кьяра стала спрашивать Нейта о младших, чтобы их лучше понять.

Какое-то время мы с Кинном неловко молчали, а потом он вполголоса сказал:

– Спасибо, что убедила Глерра пустить нас к карте. Если бы не ты, мы бы ее больше не увидели. Эта Люцилла...

– А что там случилось? Отчего Люцилла вышла из себя?

Кинн медленно выдохнул, словно пытаясь сдержать раздражение:

– Ферн комментировал ее портреты, причем каждый. Поначалу вроде бы беззлобно, но потом она что-то ему сказала, после чего он как с цепи сорвался. Концовку ты видела.

Набравшись решимости, я спросила:

– Ну а карту... удалось посмотреть?

Кинн на мгновение замер, потом кивнул.

– И это правда она?

– Да. – Он затих, опустив голову. Я подумала, что больше ничего от него не услышу, но он поднял глаза и нерешительно проговорил:

– Ты, наверное, скажешь, что я всё придумываю, но, когда я глядел на карту, мне показалось... показалось, что в ней что-то зашифровано.

Мои брови поползли вверх.

– В каком смысле – зашифровано? Что?

Кинн сглотнул и с волнением в голосе произнес:

– На день Зеннона – за год до того, как родители ушли, – отец нарисовал для меня карту города: там было зашифровано название комнаты, в которой они с мамой спрятали подарки. Я был в восторге от этой затеи и взял с отца обещание, что в следующий раз он нарисует карту Серры. Но следующего раза не случилось... – Он замолчал, а мое сердце защемило от жалости – будь мы одни, я бы положила ладонь Кинну на плечо, но вместо этого с силой сжала руки на коленях. – Когда я услышал о карте, то сразу вспомнил об этом обещании. Сегодня всё было слишком сумбурно: много людей и разговоров, еще и Ферн с Люциллой... Но завтра...

Глядя на Кинна, в глазах которого загорелась надежда, я осознала, что у меня не хватит духу сказать ему, что в карте ничего не могло быть зашифровано – ведь Ронс Террен не мог знать, что его сын когда-нибудь ее увидит. Я проговорила:

– Что ж, хорошо, что мы сможем как следует ее изучить.

И мы присоединились к разговору Нейта с Кьярой о том, с каких предметов лучше начать обучение. Так мы сидели, беседуя и изредка посматривая в окно, пока окончательно не стемнело. Только тогда все разошлись по спальням.

Ферн ночевать не пришел.

Наутро Кьяре пришлось долго стучать в дверь, чтобы разбудить меня.

Холодная вода взбодрила ненамного, и на кухню я пришла, с трудом сдерживая зеवоту. Кьяра уже успела позавтракать и теперь, засучив рукава мантии, с которой она так и не пожелала расстаться, протирала на кухне окна.

Заметив мой удивленный взгляд, девушка улыбнулась.

– При храме я вставала с рассветом и никогда не сидела сложа руки. А уж здесь без дела точно умом можно тронуться. А ты как? Плохо спалось?

Видимо, мой бледный вид говорил сам за себя. Мне снова снились кошмары. После разговоров о Лилле во сне меня преследовали Тени, и среди них вдруг появилась девушка, но я не успела разглядеть ее лицо, поскольку в тот же миг проснулась с коротким вскриком.

Кьяра была столь энергичной, что мне не захотелось жаловаться ей на дурные сны. Поэтому я лишь пожала плечами:

– Никак не могу привыкнуть к новому месту.

Сочувственно кивнув, девушка продолжила мыть окно. И только когда она ушла, оставив меня завтракать в одиночестве, я задумалась. Кьяра сказала, что вставала с рассветом, но как же крики Теней? Неужели они не мешали ей спать?..

Нейт вызвался проводить меня и Кьяру до Оранжереи и по пути объяснял, где сворачивать, чтобы мы запомнили дорогу. Поравнявшись с ним, девушка спросила, как в особняке найти библиотеку.

Глядя на профиль Кьяры, я снова почувствовала, что она мне отдаленно знакома, хотя я ничего о ней толком не знала. Не знала, как она очутилась при храме, как там жила, хотела ли стать Служительницей и как именно попала в Квартал. Возможно, теперь, пока мы будем вместе позировать для портрета, удастся узнать о ней что-нибудь.

В особняк Нейт заходить не стал – остановился у ограды, дождался, пока мы поднимемся на крыльцо и откроем дверь, а потом махнул нам рукой и ушел, больше не оглядываясь.

В доме царила всё та же неуютная тишина. На секунду я понадеялась, что Глерр о нас забыл и отправился спать, но, когда мы вошли в гостиную, я заметила его худошавую фигуру у окна. Он взглянул на нас и жестом позвал за собой.

Сначала мы оказались в длинной галерее с широкими окнами. На правой стене висели картины и гобелены: некоторые из них были созданы многие века назад. Заметив мое внимание, Глерр сказал:

– Я собрал здесь всё, что представляет хоть какую-то ценность.

В самом конце галереи мое сердце екнуло – в стеклянной витрине, запертой на ключ, лежала карта, и я с первого взгляда поняла, что это та самая: похожая техника, и надписи, и любовь к деталям. Мне хотелось задержаться и рассмотреть ее, но Глерр уже толкнул двери в следующее помещение, и оставалось только последовать за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.